

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА

**С.А. ПЕСИНА
С.В. КИСЕЛЕВА
Н.А. ТРОФИМОВА**

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Учебное пособие

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2023**

ББК 81
П28

Песина С.А.

П28 Вопросы теории языка : учебное пособие / С.А. Песина, С.В. Киселева, Н.А. Трофимова. – СПб. : СПбГЭУ, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-7310-6044-8

Учебное пособие посвящено проблемам исследования языка с различных позиций – лексической, фонетической, грамматической, прагматической. Представлен обзор проблем, касающихся процессов порождения, усвоения, хранения и функционирования языковых единиц. В учебном пособии затрагиваются проблемы фундаментальной и прикладной лингвистики, осуществляется сопоставление структур слов со структурами когнитивных категорий, проводится анализ исследований в области изучения языковой и концептуальной картин мира, дихотомии «язык–речь».

Пособие ориентировано на специалистов в области общего языкознания, когнитивной лингвистики, семантики, грамматики – магистрантов, аспирантов, студентов и всех, интересующихся проблемами исследования языка.

ББК 81

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и деловой коммуникации Уральского государственного горного университета **Л.Г. Юсупова**

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета **С.В. Шустова**

ISBN 978-5-7310-6044-8

© Песина С.А., Киселева С.В., Трофимова Н.А., 2023
© Изд-во СПбГЭУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
§1. Понятие о методах в науке. Сравнительно-исторический метод. Метод оппозиций. Дистрибутивный метод. Анализ по непосредственным составляющим и трансформационный анализ	6
§2. Понятие языковой личности. Вторичная языковая личность. Типы речевой культуры. Понятие системы и структуры в языкознании. Уровневая модель языковой структуры. Уровни языка и единицы.....	12
§3. Сущность фонологии. Трактовка основных фонологических понятий. Теория фонологических оппозиций. Основные научные фонологические школы. Слог как единица языкового сознания. Выявление и описание интоном	23
§4. Грамматика. Основные грамматические традиции мира. Влияние греко-латинской традиции. Логическое направление в языкознании: грамматика и логика. Грамматика формальная и функциональная. Грамматическая категория	32
§5. Принципы номинации. Свойства слова. Семасиология: понятие и типы значений. Лингвистическая типология. Специфика универсальной и специальной, общей и частной типологии. Характерологическая, историческая и контенсивная типологии. Проблема универсалий	51
§6. Типология семантической общности значений полисеманта. Общее значение. Функционирование лексического инварианта многозначного слова в языковом лексиконе. Определение лексического инварианта многозначного слова <i>key</i>	64
§7. Прикладная лингвистика. Моделирование языковых процессов. Лингвостатистические методы. Новые информационные технологии. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта	79
Контрольные вопросы	85
Глоссарий	86
Список источников	103
Сведения об авторах	109

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык – это окно в окружающий и духовный мир человека, в его интеллект, это средство доступа к тайнам мыслительных процессов. Посредством языка можно проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости, смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи, внося вклад в общую теорию интеллекта.

Предлагаемое учебное пособие посвящено вопросам, обсуждаемым в рамках таких лингвистических дисциплин, как «Общее языкознание», «Теория языка», «История лингвистических учений» и «Основы фундаментальной лингвистики». Функционирование лексического значения предлагается рассмотреть сквозь призму лексикологии, грамматики, фонологии и прикладной лингвистики.

Так, в рамках фундаментальной грамматики представлен ход лингвистической мысли от греко-латинской и других классических традиций мира до формальной и функциональной грамматики нового времени.

В рамках фонологии показано описание слова в терминах основных фонологических понятий. В частности, описаны основные фонологические оппозиции, очерчен круг задач основных научных российских фонологических школ, затронуты проблемы слогоделения, интонирования на материале русского и английского языков. В пособии приведен перечень ведущих лингвистических методов анализа значений слов.

В рамках психолингвистики авторы остановились на проблемах исследования первичной и вторичной языковых личностей. Моделирование языковых процессов, лингвистические аспекты искусственного интеллекта и новые информационные технологии стали темой отдельного раздела в рамках прикладной лингвистики.

В разделе, посвященном лексической семантике, сделана попытка разобраться в том, как происходит понимание слов, как слова представлены в нашем сознании и как функционируют в нем. В частности, рассмотрено явление лексической полисемии в плане ее связи с мышлением. Чтобы разобраться в этом, совершен экскурс в историю изучения многозначности, в историю многолетних поисков в области содержательного ядра слова, его общего значения.

Разрешение лексической многозначности – это объяснение того, как осуществляется эффективный выбор между разными значениями слов и словосочетаний в сознании в зависимости от контекста. Для

этого предложен когнитивный подход к пониманию функционирования полисемантов на уровне языкового лексикона и отражения в нем языковой картины мира.

В ходе практического анализа многозначных слов определяется роль метафорических значений и фразеологических единиц в формировании лексического инварианта многозначного слова. Лексический инвариант рассматривается в пособии как способ кодирования всей лексико-семантической сети слова.

Авторский подход предполагает исследование с опорой на образы, учет человеческого фактора, т. е. того, как в реальности осуществляется актуализация того или иного смысла на уровне сознания среднего носителя языка и определение функционирования отдельных значений на фоне содержательного ядра полисеманта.

Учебное пособие ориентировано на студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и всех, интересующихся проблемами общего языкознания, теорией языка, историей лингвистических учений, семантикой, грамматикой, когнитивной лингвистикой.

**§1. ПОНЯТИЕ О МЕТОДАХ В НАУКЕ.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД.
МЕТОД ОППОЗИЦИЙ. ДИСТРИБУТИВНЫЙ МЕТОД.
АНАЛИЗ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ СОСТАВЛЯЮЩИМ
И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ**

1. Понятие о методах в науке

Любая область человеческого познания, претендующая на звание науки, должна обладать объектом исследования, его предметом, мета-языком (язык, посредством которого описывается другой язык, например, набор лингвистических терминов) и определенными исследовательскими методами. С помощью научных методов добываются научные знания, которые можно проверить, сохранить, передать.

«От правильно выбранного метода зависит судьба научного открытия, поэтому путь к нему должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным» [Маркс, 1929]. «Подлинная наука – это знание, в которое входит знание о методах и границах знания» [Ясперс, 2000]. От метода зависит вся серьезность исследования. Сами методы – результат великих научных открытий. Известный ученый Дж. Бернал не без иронии заметил: «Изучение научного метода идет гораздо медленнее, чем развитие самой науки. Ученые сначала находят что-то, а затем уже, как правило, безрезультатно размышляют о способах, которыми это было закрыто». «Красота научной работы состоит главным образом, в красоте исследовательских приемов, в новизне и скрупулезности научной методике» [Лихачев, 1987].

Аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода: «Каждый метод представляет собой удачное упрощение. Однако с помощью любого удачного метода можно открывать методы только определенного подходящего для него типа и формулировать их в терминах, навязываемых данным методом» [Уайтхед, 1990].

В узком смысле метод представляет собой систему положений, научных и чисто технических приемов и процедур, способствующих целенаправленному изучению объекта с определенной точки зрения. Необходимой частью любого метода является методика, которая представляет собой включение приема в процедуру исследования (методики наблюдения, обобщения единиц, компонентного анализа, классификации, сравнения и т.д.).

Если говорить об общенаучных методах, используемых в науке о языке, то в настоящее время можно говорить о следующих: наблюдение-

ние, включённое наблюдение, интервью, анкетирование, тест, анализ письменных источников, моделирование, различные аппаратные и математические методы. Все эти методы используются в различных науках, как точных, так и гуманитарных. Настоящее пособие не предполагает рассмотрения всех методов, используемых в современном языкознании, поэтому остановимся на некоторых из них.

Можно выделить четыре группы исследовательских методов, используемых в психолингвистике: организационные, эмпирические, обрабатывающие, интерпретационные.

С помощью методов первой группы организуется психолингвистическое исследование закономерностей формирования и осуществления речевой деятельности. К ним относятся:

- ✓ сравнительный метод, суть которого заключается в сопоставлении разных групп испытуемых или разных (но «сопоставимых») сторон речевой деятельности. Например, сопоставляются группы лиц с нормой и патологией речи (афазией, алалией, дизартрией, дисграфией и др.), дети и взрослые, «носители» разных языков, люди, владеющие и еще не овладевшие грамотой, и т.д.;

- ✓ лонгитюдный (лонгитюдинальный) метод. Это «продольные», как правило, длительные наблюдения за развитием того или иного компонента речевой деятельности у определенного лица или группы лиц. Чаще всего лонгитюдный метод применяется в исследованиях усвоения языка детьми;

- ✓ комплексный метод – это междисциплинарные исследования. В качестве примера можно привести исследование процесса запоминания предложений различных конструкций в различных условиях речевосприятия (при наличии какого-либо психологического «шума», «помех» и в нормальных условиях) в сочетании с миографией.

К эмпирическим методам, помимо беседы, анкетирования, вопросов, тестов и ряда других, относятся:

- ✓ объективное наблюдение. Так, исследование оговорок, «ослышек», «описок» или «очиток» позволяет выявить многие специфические свойства речевых процессов, а также интересующих исследователей случаев речевого поведения обследуемых;

- ✓ самонаблюдение. В качестве примера можно привести известное наблюдение А. Эйнштейна за процессом своего теоретического мышления, в котором, по словам ученого, нет слов; слова с трудом подыскиваются им для описания уже завершеного мыслительного процесса.

Особое место в психолингвистике занимают интерпретационные методы (в частности, в связи с недостаточной пока еще разработанностью методов экспериментального исследования).

Научный факт, взятый сам по себе, не включенный в определенную систему знаний (научную гипотезу, теорию), мало что значит. Например, если мы установили, что фраза «Кот ловит мышь» состоит из последовательности фонем, то это не значит, что и восприятие (распознавание) этой фразы (равно и всех других) у слушающего происходит пофонемно. На самом деле оно строится принципиально иначе: в воспринимаемом звуковом потоке выделяются крупные отрезки речи (слова и целые словосочетания), в процесс восприятия вовлекаются все языковые операции – синтаксические, лексические, морфологические, морфолого-синтаксические, фонематические и фонетические, разнообразные прагматические факторы (знания, установка к речевосприятию и др.), а также эвристические операции (предугадывание возможных фрагментов фразы или всего речевого высказывания в целом).

Основополагающий принцип научного исследования: чтобы правильно интерпретировать и понять те или иные факты, их нужно рассматривать в системе научных представлений. Выбор той или иной концептуальной системы научных взглядов в психолингвистике нередко до сих пор является личностным выбором исследователя.

2. Сравнительно-исторический метод

Формироваться сравнительно-исторический метод начал в первой четверти XIX в. (Франц Бопп, Расмус Кристиан Раск, Якоб Гримм, Александр Христофорович Востоков). Значительных успехов в реконструкции праязыкового состояния достиг в середине XIX в. Август Шлейхер [Шлейхер, 1964], который одним из первых предложил схему родословного древа для индоевропейских языков, но уже он сам и тем более лингвисты следующих поколений стали сомневаться в том, что история родственных языков может быть сведена только к последовательности актов распада (дивергенции). Основными приемами сравнительно-исторического метода являются прием генетического отождествления фактов, прием лингвистической хронологии, прием внешней реконструкции и прием лингвистической географии.

Сравнительно-историческое языкознание в основном исходит из идеи о распаде первоначального языкового единства, будь это некий монолитный язык либо, что более реально, группа близкородственных диалектов, носители которых могли общаться друг с другом практиче-

ски без помех. Эта идея является основополагающей для сравнительно-исторического метода, включающего набор приёмов и процедур, с помощью которых:

- ✓ доказываемость общности происхождения сравниваемых языков, их принадлежность к одной языковой семье, а внутри неё – к одной ветви, группе и т.п.;

- ✓ предпринимаются попытки реконструировать систему праязыка (исходного языкового состояния) и его архетипы (систему фонем и просодем, систему словоизменения, систему словообразования, элементы синтаксиса, инвентарь древнейших лексем и морфем), а также реконструировать промежуточные праязыки (промежуточные языковые состояния);

- ✓ прослеживаются процессы самостоятельной диахронической эволюции родственных языков;

- ✓ делаются попытки установить относительную хронологию языковых изменений как в праязыке, так и в восходящих к нему языках;

- ✓ строятся историко-генетические (генеалогические) классификации языков данной семьи (в виде схем родословного древа).

Принципы и методы сравнительно-исторического языкознания формировались на основе историко-генетического исследования индоевропейских языков, что привело к становлению индоевропеистики, а внутри неё германистики, романистики, славистики, кельтологии, иранистики, индологии и т.д. Впоследствии рядом с индоевропеистикой в сравнительно-историческом языкознании выделились финно-угроведение, тюркология и другие области.

3. Метод оппозиций

Пражская лингвистическая школа – одно из основных направлений структурной лингвистики. Центром ее деятельности стал Пражский лингвистический кружок (создан в 1926 г., творческий расцвет в 1930-х гг., распался организационно в начале 1950-х гг.). Кроме чехословацких филологов, таких как В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек, позднее В. Скаличка, в кружок входили питомцы Московского университета – Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, а также С.О. Карцевский, близкий к Женеvской школе.

Метод оппозиций в его современном толковании был разработан представителями Пражской лингвистической школы применительно сначала к фонологии, затем – к морфологии. Непосредственной базой для теории морфологических оппозиций послужило учение о фоноло-

гических оппозициях Н.С. Трубецкого [Трубецкой, 1960], который исходил из того, что всякое различие предполагает противоположение. Признак звука способен приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставляется другому признаку, являющемуся членом звуковой оппозиции (звукового противопоставления). Звуковые оппозиции (противопоставления), способные дифференцировать значения двух слов данного языка, являются фонологическими, фонологически дистинктивными или смыслоразличительными, ср.: *том* : *ком* : *лом* : *сом* : *дом* и т.д. Оппозиции, лишенные такой способности, называются фонологически несущественными, несмысло-различительными.

4. Дистрибутивный метод

Классификация (таксономия) – самый древний и самый простой научный метод. Она служит предпосылкой для всех типов теоретических конструкций, включающих сложную процедуру установления причинно-следственных отношений, которые связывают классифицируемые объекты. Основная задача таксономического анализа – описание системы языка. Первым примером использования этого метода служит древнеиндийская грамматика Панини.

Дистрибутивный анализ – метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном лексическом или грамматическом окружении этих единиц [ЛЭС, 1990, с. 137]. Сущность методики сводится к следующему: каждая лингвистическая единица в линейной последовательности речи всегда находится в окружении других однотипных единиц, отличаясь от другой единицы своим окружением, так как на сочетаемость единиц накладываются определенные ограничения.

Процедура анализа начинается с символической записи текста, где каждое слово получает символическое обозначение. Далее составляется дистрибутивная таблица, в которой левое окружение – это те элементы, от которых зависит данное окружение, а правое окружение – элементы зависимые. Последующий анализ позволяет увидеть дистрибутивные особенности единиц данного языка.

Вторая ступень методики – идентификация: если две текстовые единицы никогда не встречаются в одних и тех же окружениях, то они принадлежат одной и той же единице языка (например, [и] и [ы]). Если встречаются в одних и тех же окружениях, но в значении не различаются (например, *землей*, *землею*), то перед нами одна и та же единица

языка. Если единицы встречаются в одном и том же окружении, но различаются значениями, то они принадлежат к разным единицам языка (звуки [л], [к] в словах *лом*, *ком*). Третья ступень – объединение выделенных языковых единиц в классы.

С помощью данной методики можно изучать все ярусы языка, включая синтаксис и семантику, однако во многих случаях она громоздка и противоречива.

5. Методика анализа по непосредственным составляющим

Такая методика была впервые использована Л. Блумфельдом (1960) при описании языков американских индейцев и является реакцией на недостатки традиционной теории членов предложения и частей речи. Правда, конкретные результаты анализа по непосредственным составляющим (НС) часто совпадают с выводами традиционного описания.

Анализ НС призван ответить на вопросы о том, каковы отношения между языковыми единицами. Последовательность анализа НС складывается из следующих операций: снятие ударения, интонации, выделение основных звеньев (подлежащего и сказуемого), дальнейшее членение каждой группы до конечных составляющих (слов и морфем). Логика движения анализа: от наиболее прочных связей к предельно возможным.

Достоинства анализа НС заключаются в следующем: раскрывается системная организация речи и выявляются интересные, не лежащие на поверхности закономерности структурных взаимоотношений, преодолевается линейность и обнаруживается интеграция синтаксических конструкций в высказывании. Методика использовалась в 1960-х гг. в системах автоматического анализа.

Однако спорно применение анализа НС при описании однородных членов предложения и сложноподчиненных предложений, не разграничиваются свободные и устойчивые сочетания слов. Практика анализа НС показала, что эта методика менее эффективна, чем традиционный анализ словосочетаний.

§2. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ. ТИПЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ. ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ. УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ. УРОВНИ ЯЗЫКА И ЕДИНИЦЫ

1. Понятие языковой личности. Вторичная языковая личность

Со времен Античности проблема «язык и личность» вызывала интерес лингвистов. В европейском языкознании она возникла при рассмотрении социальной природы языка, соотношения языка и речи, языка индивида и коллектива (В. Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Э. Сепир) (рис. 1); большой вклад в разработку данной проблемы внесли видные русские лингвисты А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов и др. Как отмечают исследователи, само понятие «языковая личность» до сих пор не является точно определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью самой проблемы.

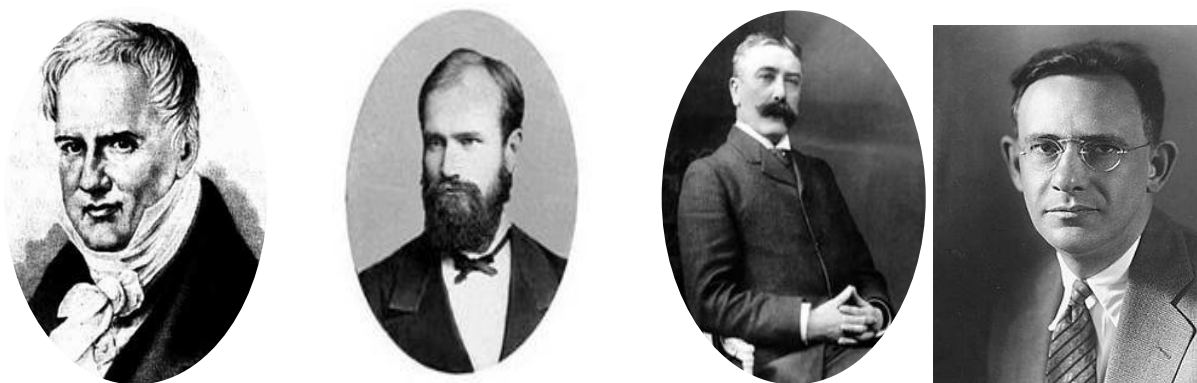

Рис. 1. Знаменитые лингвисты: В. Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Э. Сепир (слева направо)

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым (1947), который исследовал две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа.

В отечественной лингвистике наиболее известна концепция языковой личности Ю.Н. Караулова. В понимании Ю.Н. Караулова языковая личность предстает как *homo loquens* вообще, а сама способность пользоваться языком – как родовое свойство человека (*homo sapiens*) [Караулов Ю.Н., 1987]. Под **языковой личностью** в данной концепции понимается «совокупность способностей и характеристик чело-

века, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью». Коммуникативная личность включает языковую как составную часть.

Отметим далее направления исследований в области языковой личности:

– разработка модели языковой личности (Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, С.Г. Воркачева);

– анализ языковой личности как *homo loquens* (Г.В. Ейгер, С.В. Лебедева, И.А. Раппопорт, А.А. Залевская);

– рассмотрение языковой личности как носителя национального языка и культуры (Н.В. Уфимцева, Н.Л. Чулкина, В.М. Богуславский);

– выделение социолингвистического или психологического подтипа – языковая личность ребенка, интеллигента, жителя деревни, ведущего и т.д. (А.В. Захарова, Л.П. Крысин, Г.Н. Беспмятнова, Т.А. Ивушкина, М.В. Ляпон);

– переход от языковой личности к речевой личности (Л.П. Клобукова, Е.Ю. Прохоров, В.В. Красных) и др.

Понятие «языковой личности» помещено в центр современной антропоцентрической лингвистики как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [Виноградов, 1947; Караулов, 1987] (рис. 2).

Ю.Н. Караулов, полагая, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу» выделяет три уровня рассмотрения языковой личности: вербально-семантический (когда рассматриваются слова), когнитивный (рассматриваются слова), мотивационный (ответ на вопрос, с какой целью используются именно эти слова) [Караулов, 1987].

В поле зрения исследователя оказываются также коммуникативные потребности и коммуникативные черты или готовности личности, ее коммуникативные стратегии и тактики, индивидуальный стиль и манера общения и т.д. При этом Ю.Н. Караулов отмечает, что процесс формирования языковой личности заканчивается к семи годам, а в дальнейшем происходит лишь совершенствование ее навыков и умений [Караулов, 1987].

Исследования языковой личности в настоящее время приобрели широкую популярность. Изучаются языковые личности отдельных людей – писателей, поэтов, педагогов, ученых, языковые лично-

сти персонажей художественных произведений, представителей отдельных профессий – врача, спортсмена, учителя, начальника, чиновника, филолога, военного; коммуникативная личность подростка, мужчины, женщины и т.д.

Волгоградские ученые (научная школа проф. В.И. Карасика) (рис. 2) изучают следующие лингвокультурные типы: русский интеллигент, английский аристократ, французский буржуа, русский дворянин, английский бизнесмен, американский ковбой, домохозяйка, эксцентрик, английский сноб, фанат, менеджер, политик и многие др.

Рис. 2. Отечественные лингвисты:
В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик (слева направо)

Есть понятие **языковой паспорт** человека – это та информация, которую человек произвольно передает о себе, когда он говорит. По нему можно судить об уровне его общей культуры, воспитанности. Сегодня по речи человека можно определить его возраст – иногда с точностью до двух-трех лет, размеры тела (худой, средней полноты, полный), рост (маленького роста, среднего роста, высокий), профессию (по проскальзывающим в речи профессиональным словам). Например, в силовых ведомствах есть специальные компьютерные устройства, определяющие по голосу телефонного террориста, его черты, включая форму лица.

Известен случай, который произошел с русским ученым, создателем знаменитого словаря русского языка Владимиром Ивановичем Далем. Однажды он встретил в пути монаха и спросил его:

- «– Какого, батюшка, монастыря?
- Соловецкого, родненький.
- Из Ярославской губернии? (Даль знал, что слова “родненький”, “родименький” часто употреблялись в Ярославской губернии).

– Нетути, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

– Да еще из Ростовского уезда?

Монах упал в ноги:

– Не погуби!»

Оказалось, что это был беглый солдат из Ростовского уезда Ярославской области, выдававший себя за монаха.

Применительно к изучению иностранного языка «языковая личность» может быть представлена как **вторичная языковая личность**, понимаемая как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и предполагающая адекватное взаимодействие с представителями других культур. Вторичная языковая личность – это личность, приобщенная к культуре народа, язык которого изучается. Термин введен в научный оборот Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1987] и восходит к понятию «языковая личность» (носитель языка), впервые использованному В.В. Виноградовым в 1930 г.

Вторичная языковая личность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, т. е. языковой и концептуальной картиной мира, позволяющей понять новую для него социальную действительность. Так, развитие у студента, профессионально изучающего иностранный язык, черт вторичной языковой личности с целью быть эффективным участником межкультурной коммуникации – цель обучения иностранным языкам. В настоящее время большинство специалистов в области преподавания иностранных языков считают, что одной из важных задач при обучении является формирование вторичной языковой личности, способной успешно осуществить социальное взаимодействие с носителями иной культуры.

Компонентами языковой личности являются лингвистическая, речевая, коммуникативная и культурологическая компетенции. Личность – одновременно и продукт, и субъект истории, культуры, ее творец и творение. Творцом культуры человек становится благодаря способности быть субъектом деятельности, создающим и постоянно совершенствующим новую среду. На первый план выдвигаются интеллектуальные характеристики, так как интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык.

Вторичная языковая личность формируется под влиянием первичной языковой личности, сформированной родным языком человека. При этом уровень развития языковой личности, освоенность типов понимания на родном языке определяет готовности личности на иностранном языке. Модель вторичной языковой личности ценна как средство пробуждения рефлексии над опытом обретения коммуникативной готовности.

Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня в структурной модели языковой личности (рис. 3).

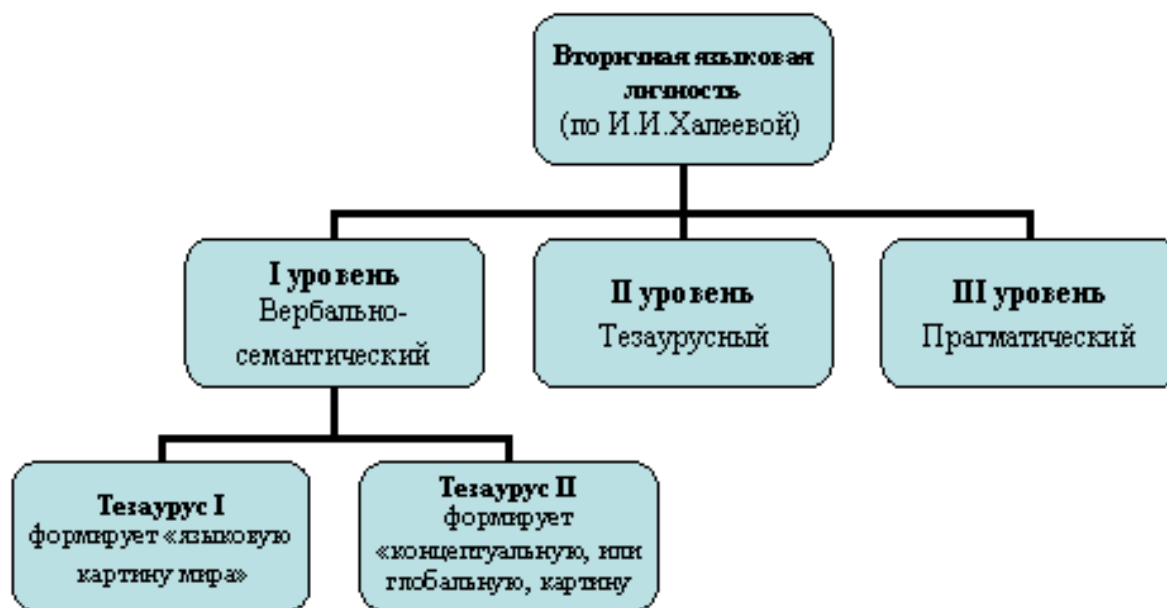

Рис. 3. Структурные модели языковой личности Ю.Н. Караулова

Первый уровень – вербально-семантический, единицами которого являются отдельные слова как единицы вербально ассоциативной сети. Студенты овладевают структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных задач.

Второй уровень – лингвокогнитивный (тезаурусный), единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими своё выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, крылатых выражениях и т.д., из всего многообразия которых языковая личность выбирает именно те, что соответствуют связям между понятиями в её тезаурусе.

Третий уровень – мотивационный (прагматический) уровень, единицы которого ориентированы на прагматику и проявляются, по

мнению Ю.Н. Караулова, «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [Караулов Ю.Н., 1987, с. 53].

Данное трёхуровневое представление модели языковой личности соотносится с трёхуровневым процессом речевой деятельности. Намечая вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности, автор ставит их в параллель с выделенными этапами трёхфазовой модели речевой деятельности: побуждающим, формирующим и реализующим. Описание модели вторичной языковой личности осуществляется, по мнению И.И. Халеевой, с учётом тех процессов, которые происходят в личности в ходе овладения ею неродным для неё языком [Халеева, 1995]. Поскольку языки отличаются друг от друга своей вербально-семантической «сетью», то вполне справедливо автор делит именно первый уровень языковой личности на две тезаурусные сферы: тезаурус I и тезаурус II (формирование вторичного когнитивного сознания).

Тезаурус I восходит к ассоциативно-вербальной сети языка и формирует «языковую картину мира», в то время как тезаурус II формирует «концептуальную, или глобальную, картину мира». Выделенные автором две сферы взаимосвязаны и одновременно автономны друг от друга. Взаимосвязь проявляется в том, что тезаурус I формируется под воздействием тезауруса II. Носители разных языков различаются своим тезаурусом I, но нельзя сбрасывать со счетов и различия в тезаурусе II. Формирование тезауруса II – сложная задача, так как в данном случае речь идет о развитии умений распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей иной общности, где действует иная система ценностей, норм и оценок [Гальскова, Гез, 2005].

Принятие концепта вторичной языковой личности в качестве методологического означает, что в современном процессе обучения иностранным языкам делается особый акцент на сопоставлении разных концептуальных систем в контексте мировой и национальной культур, а не разных языковых явлений. Сопоставление предполагает осознание учащимися собственной универсальной сущности как культурно-исторического субъекта.

2. Особенности уровней речевой культуры личностей

Важной характеристикой личности является уровень ее речевой культуры. Выделяются элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный, жаргонный и просторечный

типы речевой культуры [Сиротинина, 2000]. Мы исключим описание литературно-разговорного типа речевой культуры, поскольку он фактически смыкается с фамильярно-разговорным.

Элитарный тип речевой культуры: носитель соблюдает все этические и коммуникационные нормы, нормы литературной речи, владеет всеми функциональными стилями языка как устной, так и письменной речи; способен контролировать свою речь, уважать собеседников, у него отсутствуют самоуверенность в целом и языковая самоуверенность в частности.

Для него характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации функционального стиля и жанра речи, «неперенос» того, что типично для устной речи, в письменную речь, и наоборот, он знает и соблюдает правила общения, имеет привычку все время проверять себя, пополнять свои знания по авторитетным текстам и словарям, а не путем подражания услышанному в СМИ.

Строгое соблюдение всех этических норм общения: знание и применение речевых формул приветствия, просьбы, прощания, благодарности, поздравления и т.п.; обращение на «ты» или на «вы»; отсутствие грубых, нецензурных выражений. Представители данной речевой культуры с легкостью могут написать научный доклад или статью, дать интервью, написать презентационную речь, провести переговоры, совещание, деловую встречу, правильно составить служебные документы и т.д.

Для элитарной языковой личности характерно богатство словаря, логичность и последовательность речи, как минимум, пассивное владение основными достижениями мировой и национальной культуры, использование в общении прецедентных текстов (цитаты из художественных произведений, мифы, поэзии, легенды, сказки и т. п.), имеющих общекультурное значение.

Среднелитературный тип речевой культуры воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте; характерен для большинства людей с высшим и средним образованием. Они владеют двумя-тремя функциональными стилями, включая стиль обиходно-бытового общения и профессиональный стиль, которые в речи часто смешиваются. Для них характерен невысокий уровень самоконтроля в речи, отсутствие привычки сомневаться в правильности своей речи и проверять свои знания. Они удовлетворены своим интеллектуальным багажом, самоуверенны (главное, *что* сказать, а не *как*), переоценивают свои знания (неуместное употребление терминов, иностранных слов наряду со сниженной и бранной лексикой).

Носители среднелитературной речевой культуры нередко демонстрируют агрессию в отстаивании собственного словоупотребления, игнорирование норм «ты»- и «вы»-общения, а в качестве эталона обычно приводят аргументы типа «по радио, телевидению так говорят». Прецедентными текстами для носителей данного типа речевой культуры являются СМИ и массовая литература. Отсутствие большого словарного запаса не позволяет им использовать широкие синонимические ряды, что превращает их речь в достаточно штампованную, с засильем сниженной лексики, стремлением сделать речь экспрессивнее.

Типичные представители среднелитературного типа речевой личности – журналисты печатных и электронных СМИ, речь которых является прецедентной (эталонной) для носителей этого же типа речевой культуры, что создает замкнутый круг и способствует все более широкому распространению этого типа речевой культуры. Разговорная скороговорка с сильной редукцией встречается и в речи журналистов, в остальном соответствует среднелитературному типу.

Фамильярно-разговорный тип речевой культуры складывается как самостоятельные в 90-х гг. XX в. Для него характерно владение только разговорной лексикой, используемой ими в любой обстановке, в том числе официальной. Своей стилевой монотонностью сниженной речи он сближается с просторечным типом. Преобладает «ты»-общение, домашние имена типа *Серезжа/Серезга*, использование жаргонизмов, просторечных и грубых слов. Иноязычная лексика и книжные слова становятся заполнителями пауз, так что рядом встречаются конкретно, *короче, типа, в натуре* и т. п. Для него типично неразличение письменной и устной формы речи, неумение строить развернутый связный монолог, предельная редукция.

Для разговорных типов характерно распространение законов непринужденного персонального общения на любые темы, но они оказываются беспомощными в официальных ситуациях, с трудом справляются с письмом, их речь сбивчива, нелогична, ориентирована только на диалог и на языковую среду как критерий языковой нормы.

Жаргонный и просторечный типы речевой культуры характеризуются ненормативностью, ориентацией на свою группу общения, «ты»-общением, вульгаризмами, использованием мата. Негативной тенденцией является расширение круга носителей сниженной речи.

Фамильярно-разговорный и просторечно-жаргонный типы – сниженные типы речевой культуры, выпадающие из норм культуры общения в обществе.

3. Понятие системы и структуры в языкознании

Определение языка как системы дано у Ф. де Соссюра, утверждающего, что язык «есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия других» [де Соссюр Ф., 1977]. Благодаря наличию системы языка в памяти человека (система частей речи, их парадигматика, синонимия, словообразовательные гнезда и др.) становятся возможными говорение, слушание, чтение, письмо. Фактически с 1916 г. начинается широкое и целенаправленное изучение системных отношений в языке.

Для понимания строения языковой системы, необходимо обратиться в этом понятии.

В целом **систему** можно определить как сложное целое, состоящее из взаимозависимых и взаимообусловленных частей (элементов), выступающее по отношению к внешним условиям как единое целое и выполняющее единую функцию. Комплекс отношений, связывающих элементы в системы, получил название структуры. Структура характерна не только для системы, но и для любого сложного объекта (например, у сваленной с самосвала кучи камней нет системы, но есть структура).

Термин «структура» был введен основоположниками Пражской школы. Структура ими понимается как целое, состоящее, в противоположность простому сочетанию элементов, из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Совершенно новую трактовку слову «структура» дали представители Копенгагенской школы. Они освободили понятие структуры от элементов и стали рассматривать его исключительно со стороны отношений. В их понимании система – это связь и взаимосвязанность по горизонтали, структура – это вертикальный аспект. Если система – это единство однородных элементов, то структура – это единство разнородных элементов. Весь язык представляет собой систему через структуру.

В теории Н.Д. Арутюновой система определяется как совокупность одноплановых единиц, связанных оппозитивными отношениями, а структура – как совокупность языковых средств выражения значимых оппозиций, определяемая отношением плана содержания к плану выражения [Арутюнова, 1999]. Система представляет собой целостный набор элементов, объединённых структурными отношениями, выполняющий определённую функцию. Структура – это реляционный каркас системы, сеть отношений между её элементами.

Отсюда системе присущи целостность, наличие элементов (единиц), наличие связей и отношений между ними. Вместе с тем ее нельзя свести только к сумме составляющих ее элементов. Для ее характеристики решающее значение имеют связи и отношения между элементами, которые делают данную систему единым, целостным образованием.

Следовательно, система представляет собой организованное иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее ее в субстанцию (элементы), присущую конкретному языку для выполнения определенных целей.

Главные причины, отличающие языки друг от друга, коренятся в различиях их структур – в разных способах организации их элементов в пределах целого. Поэтому трактовать язык как систему – значит, анализировать его структуру.

Как только мысль ученых поднялась до понимания структурных отношений, простая регистрация фактов без уяснения их структурных связей стала вчерашним днем науки. В дососсюровский период, например, языки мира в XVIII в. перечислялись по алфавиту, так как понимания их отношений друг с другом не было. Падежи русских существительных до сих пор даются в порядке, не отражающем их функционально-семантической близости: в реальности одну группу составляют объектные падежи (именительный, родительный, винительный), а другую – пространственные (дательный, творительный, предложный). В настоящее время каждая единица системы языка изучается не только сама по себе, но в отношении к более крупным единицам, в состав которых она входит, и к более мелким, которые входят в ее состав.

Центральной единицей языка являются слова, из которых создается вся система языка, в то же время слова сами рассматриваются как системы семантических компонентов и фонем. Система языка может воздействовать на свои элементы: так, принятые в русском языке формы глагола *махать* – *машу, машешь, машет* под воздействием более распространенных форм с основой на *-ать играть* – *играю, играешь, играет* получают варианты: *махая, махаешь, махает* (просторечные).

В системе могут обнаруживаться слабые звенья, наиболее подверженные изменениям. Так, в русской фонетической системе нет межзубного звука [θ] – это пустая клетка; нет общепринятого обращения к незнакомому человеку, только ситуативные обращения: *девушка, мать, отец, молодой человек, дядя, сынок* и т. п. – это слабое звено системы.

4. Уровни и единицы языка. Уровневая модель языковой структуры

Поскольку система языка локализована в мозгу (сознании) человека и прямому наблюдению недоступна, то для ее представления ученые строят модели в виде схем, таблиц, графиков, диаграмм и т.п.

Уровнем языка называется та часть его системы, которая имеет соответствующую одноименную единицу: на фонемном, морфемном уровне, уровне слов, словосочетаний, предложений есть одноименные единицы – фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение. При этом единица низшего уровня входит в единицу высшего уровня, являясь ее компонентом. Лингвистический анализ заключается в последовательной сегментации словосочетаний до фонемного уровня.

Последовательность слов в речи – синтагматический уровень, группировка слов в классы (синонимы, антонимы, тематические группы, части речи и т.д.) – парадигматические отношения, т. е. все отношения иерархии/вертикали называются парадигматикой, отношения дистрибуции синтагматикой.

Есть сферы, которые как бы прорезают уровни языка, т. е. включают средства разных уровней и образуют полевые структуры: модальное значение может выражаться средствами синтаксиса, морфологии (наклонение глагола) и лексики (модальные слова).

Многослойная модель системы языка получена в ходе изучения языкового поведения человека под воздействием стресса, шока, алкоголя и наркотиков. По мере углубления измененного состояния сознания уменьшается количество языковых средств: падает количество существительных, прилагательных, союзов, предлогов, сокращается длина слов и предложений; дольше сохраняются глаголы, местоимения, частицы, стереотипные выражения, эмоциональные компоненты, однословные высказывания. Компоненты, которые послойно уходят из языка, оказываются на периферии системы. Выстраивается многослойная модель системы языка, в которой ядерные слои лежат на самой глубине, а периферийные оказываются менее глубоко в памяти и легче утрачиваются.

Модель ассоциативно-вербальной сети Ю.Н. Караулова предполагает, что лексика не существует вне грамматики: она представлена в языковом сознании в виде словоформ, которые отражают всю грамматику, т. е. лексика и грамматика не разделены [Караулов, 1987]. Так, к стимулу *бежать* получены ассоциаты: *без оглядки, быстро, бегом, куда глаза глядят, кругами, по дороге, по кругу, сломя голову* и др. Такая сеть хранится и работает в пульсирующем режиме, в каждый момент времени изменяется набор актуализованных связей между ее узлами.

**§3. СУЩНОСТЬ ФОНОЛОГИИ.
ТРАКТОВКА ОСНОВНЫХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ.
ТЕОРИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ.
ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ.
СЛОГ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.
ВЫЯВЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ ИНТОНЕМ**

1. Сущность фонологии.

Трактовка основных фонологических понятий

Фонология – раздел языкознания, изучающий структуру звукового строя языка и функционирование звуков в языковой системе.

В отличие от фонологии, **фонетика** изучает физический аспект речи: артикуляцию, акустические свойства звуков, их восприятие слушающим (перцептивная фонетика). Изучение звуковой стороны языка называется фонетикой. Не зная фонетики, нельзя понять и современное письмо, нельзя правильно разобраться в грамматике.

Одним из первых термин **фонема** использовал Ф. де Соссюр, который отмечал: «Проанализировав достаточное количество речевых цепочек, принадлежащих различным языкам, можно выявить и упорядочить применяемые в них элементы; при этом оказывается, что если пренебречь безразличными акустическими оттенками, то число обнаруживающихся типов не будет бесконечным».

Создателем современной фонологии, как и разработчиком понятия фонемы, считается работавший, в том числе в России, учёный польского происхождения Иван (Ян) Александрович Бодуэн де Куртенэ (он определил фонему как психический образ звука) (рис. 4). Выдающийся вклад в развитие фонологии также внесли Николай Сергеевич Трубецкой, Роман Осипович Якобсон, Лев Владимирович Щерба, Ноам Хомский, Моррис Халле и др.

Рис. 4. Ян Бодуэн де Куртенэ

Ученик Бодуэна де Куртенэ Л.В. Щерба (1957) дал следующее определение фонеме: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловым представлением и дифференцировать слова». Он трактовал варианты фонемы как конкретные звучания, очень близкие друг к другу и на слух, и по их артикуляции. Этот аспект учения о фонеме гипертрофирован в физической теории фонемы английского фонетиста Даниэля Джоунза, который представляет фонему как семью звуков.

Открытие фонемы стало тем импульсом, который вызвал к жизни множество фонетических концепций, авторы которых давали свои определения фонемы как единицы фонологической системы языка и между фонемами.

Представление о фонеме является одним из базовых и традиционных в лингвистике. Именно фонология стала первой областью структурной лингвистики с которой начались исследования языка в Пражском лингвистическом кружке. Этому способствовало то, что, во-первых, фонема представляет собой достаточно простую одноплановую единицу, фигуру плана выражения языка, во-вторых, система фонем «легко» обозрима – ее состав не превышает нескольких десятков единиц. Заметим, что фонемы и их отношения между собой так же ненаблюдаемы, как и любые мыслительные образы. Фонологическая система языка – внутренне организованная совокупность его фонем, связанных определёнными отношениями.

Суть теории Р.О. Jakobsona, развивающего генеративную теорию, заключается в том, что языковые знаки путем последовательных преобразований по языковым правилам трансформируются из внутреннего представления в фонемах речевого производства в поверхностное представление речевыми звукотипами [Jakobson, 1985]. Принимая такую терминологию, можно назвать фонемы речевого производства глубинными фонемами, а фонемы речевосприятия – поверхностными фонемами.

Существует теория, определяющая фонему как научную фикцию, необходимую лишь для лингвистического описания В. Фримэна Твуделла. Известна глоссематическая теория фонем Л. Ельмслева, считающего, что фонема не имеет со звуком ничего общего, это чисто структурное построение, точка пересечения дифференциальных признаков, независимая от физической субстанции [Ельмслев, 2006]. Такой подход отвечает субъективно-идеалистической философии языка, которую Л. Ельмслев положил в основу своей лингвистической концепции. Но фонема, не имеющая ничего общего со звуком, не могла бы опознаваться.

Фонема реальна психологически только как результат перекодирования звукового сигнала в нервный. В целостном виде она не держится в звуковом потоке, никакая часть звукового ряда фонеме не представляет.

Наиболее полная теория фонемы была создана Н.С. Трубецким в его фундаментальном исследовании «Основы фонологии» (1939). В общем виде фонема определяется им как минимальная единица плана выражения языка, которая служит для опознания морфем и слов и для их различения [Трубецкой, 2000]. Основная функция фонемы – дистинктивная, смыслоразличительная.

Если основной единицей фонологии является фонема, то основным объектом исследования – противопоставления (оппозиции) фонем, образующие в совокупности фонологическую систему языка.

2. Теория фонологических оппозиций

Ключевую роль в фонологии также имеет понятие противопоставления (оппозиции). Две единицы считаются противопоставленными, если существуют так называемые минимальные пары, т. е. пары слов, не различающиеся ничем, кроме данных двух единиц (например, в русском: *том – дом – ком – ром – сом – ном – лом*). Основное понятие фонологии – фонема как минимальная языковая единица обладает, в первую очередь, смыслоразличительной функцией. Проявлением фонемы в речи служит **фон** как конкретный отрезок звучащий речи, обладающий определёнными акустическими свойствами. Фоны, принадлежащие к одной фонеме, называются **аллофонами**.

Каждая фонема характеризуется фонологическим содержанием, т. е. совокупностью всех существенных признаков, отличающих ее от других фонем, прежде всего от близкородственных фонем. В современной лингвистике такой существенный признак получил наименование дифференциального. Так, для русской фонемы /д/ дифференциальными признаками будут:

- переднеязычность, различающая [д] и [б]: *док – бок*;
- смычность, различающая [д] и [з]: *дол – зол*;
- звонкость, различающая [д] и [т]: *дом – том*;
- ртовость, различающая [д] и [н]: *дам – нам*;
- палатальность, различающая [д] и [д'] : *дыма – дима*.

В этом плане фонологическое содержание фонемы можно характеризовать как пучок дифференциальных признаков.

Теория оппозиций (противопоставлений) составляет существенную часть фонологической концепции Н.С. Трубецкого. Противопо-

ставления звуков, способных дифференцировать значения двух слов данного языка, он называет фонологическими (фонологически дистинктивными/смыслоразличительными) **оппозициями**. Противопоставления, не обладающие такой способностью, определяются как фонологически несущественные (не-смыслоразличительные). Примером первого является нем. /o/–/i/: *so – sie*, второго – *rose – riese* (противопоставление переднеязычного *r* увулярному *ʀ* смыслоразличительным не является).

Важнейшей является классификация типов оппозиций:

1) **привативные** (наличие/отсутствие некоторого признака): «звонкий – незвонкий», «назализованный – неназализованный» и т.п. (член оппозиции, имеющий признак, называется маркированным, не имеющий – немаркированным);

2) **градуальные** (ступенчатые), члены которых характеризуются различной градацией одного и того же признака: степень открытости [u]–[o], [i]–[e] и т.п.;

3) **эквивалентные** (равнозначные), оба члена которых логически равноправны, т. е. не являются утверждением или отрицанием какого-либо признака: [p]–[t], [f]–[k] и т.п.

Однако при сочетании друг с другом некоторые фонемы могут оказаться в позициях, когда противопоставления могут исчезать или **нейтрализоваться**: в русском языке звонкие фонемы в конце слова оглушаются.

Кроме того, оппозиции могут быть одномерные и многомерные. В **одномерной** оппозиции противопоставление идет по одному дифференциальному признаку, в многомерной – по нескольким: [б]–[п] противопоставлены только по глухости–звонкости; [д]–[н] – только по признаку носовой–неносовой. Фонемы [е]–[у] противопоставлены по нескольким признакам: [е] – гласная переднего ряда среднего подъема, нелабиализованная; [у] – гласная заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованная.

Оппозиции могут быть пропорциональные и изолированные. **Пропорциональные** оппозиции – это несколько фонемных пар, противопоставленных по одному и тому же дифференциальному признаку: [п]–[б], [с]–[з] (по признаку глухость/звонкость). **Изолированная** оппозиция бывает одна: [r] и [ʀ] – единственные плавные согласные в системе немецких фонем.

Звуки, обладающие акустико-артикуляционным сходством и находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, получили название **аллофонов**, а все множество аллофонов и представляет собой фонему: /k/ – [ski:], [ki:], [ka:t], [kwi:n].

Представим модель системы русских гласных фонем (табл. 1).

Таблица 1

Модель системы гласных фонем русского языка

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	И	Ы	У
Средний	Е		О
Нижний		А	

Систему согласных изобразить несколько сложнее, поскольку основных артикуляций у них четыре, что требует четырехмерной «картинки». Приведем «древесное» изображение фрагмента системы согласных (рис. 5).

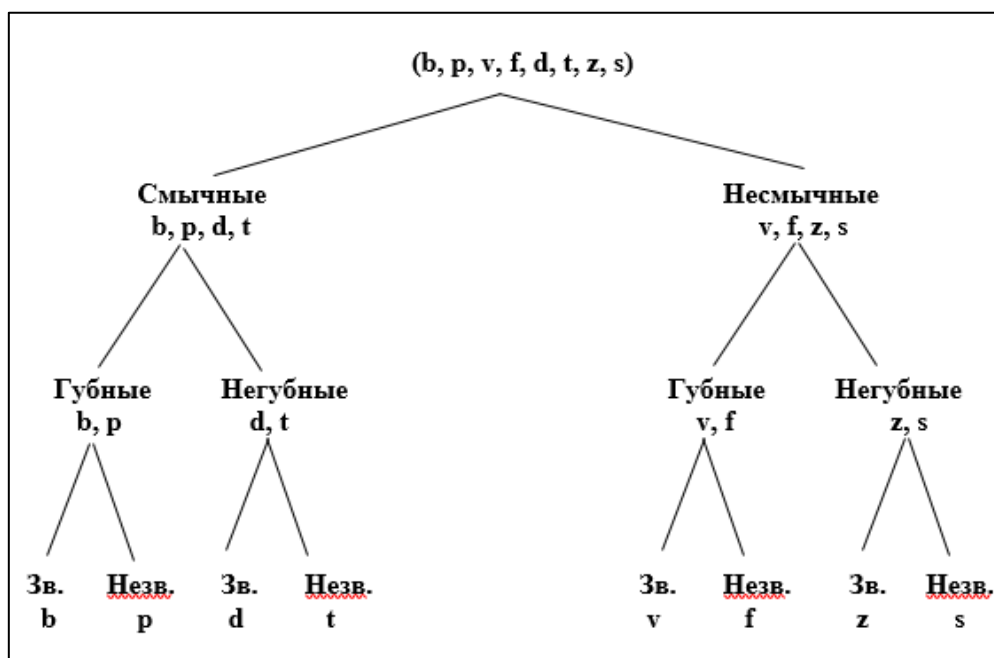

Рис. 5. Фрагмент системы согласных

3. Основные научные фонологические школы

В настоящее время в России ведущее положение в фонологии занимают два научных направления – Московская фонологическая школа (МФШ) и Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (П(Л)ФШ).

Основоположник П(Л)ФШ – Л.В. Щерба, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ.

МФШ возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели – РИ. Аванесов, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров, А.М. Сухотин, продолжая традиции Бодуэна де Куртенэ, опираются на идеи, отразившиеся в его работах разных периодов. На формирование МФШ оказали влияние и взгляды Н.Ф. Яковлева, также разрабатывавшего идеи Бодуэна де Куртенэ. Обобщение, углубление и развитие теории МФШ в виде целостной концепции осуществлено М.В. Пановым.

Обе школы рассматривают фонему в сигнификативно сильной позиции с одной и той же точки зрения – функциональной. Звуки этих позиций объединяются в одну фонему не на основании их фонетического сходства, акустической или артикуляционной близости, а на основании способности этих звуков различать слова и морфемы.

Так, в словосочетаниях *печь побелили* и *печь затопили* выступает одно и то же слово *печь* с одним и тем же фонемным составом. Хотя фонема /ч'/ реализуется в первом случае глухим звуком [ч'], а во втором звонким [д'ж'], звуки эти объединяются в одну фонему, так как они выполняют одну и ту же функцию: они способствуют отождествлению одних и тех же слов и морфем и не могут различать разные слова и морфемы.

Состав фонем определяется МФШ и П(Л)ФШ по сильной позиции, позиции наибольшего различения. Обе школы исходят из того, что необходимым условием отнесения разных звуков к одной фонеме является их дополнительное распределение в разных фонетических позициях.

Основное различие между МФШ и П(Л)ФШ заключается в оценке звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях.

МФШ функциональный критерий распространяет и на эти позиции. Например, в словосочетаниях *гусь пришел* и *гусь зашел* слово *гусь* имеет один и тот же фонемный состав. Звук [с'] в первом случае и [з'] во втором объединяются в одну фонему /с'/ на основании того, что они выполняют одну и ту же функцию. Они не различают данные словоупотребления: это одно и то же слово, а выбор [с'] или [з'] позиционно обусловлен. Отсюда следует вывод: фонему представляет весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков. Эти звуки могут быть совершенно непохожи друг на друга, фонетически несходны, фонему может представлять и нуль звука.

В теории Московской фонологической школы фонемы тесным образом увязываются с морфемой. Фонемой считается ряд звуков, по-

являющихся в результате живых позиционных чередований в одной и той же морфеме. Например, к одной фонеме могут быть отнесены [з] и [с] (*мороз* [марос] и *морозный*), [о] и [а] (*воды* и *вода* [вада]) и т.д. Реальное звучание для московской школы не имеет определяющего значения.

Это учение отражает орфографический навык грамотного человека, не принимая во внимание фонемные образы малограмотных людей, пишущих *ножык*, *стина*. Они группируют мысленные образы фонем не так, как грамотные люди. Для них *стина* и *стены* содержат разные фонемные образы, более близкие к реальным звучаниям, чем для грамотного, который и в звучании *стина* «слышит» образ фонемы [е] (стена). Так как в словах *сам*, *сама*, *самовар* представлена одна и та же морфема *сам-*, то во всех трех случаях мы имеем дело с одной и той же гласной фонемой [а], которая в первом случае находится в сильной позиции, в остальных в слабых позициях.

Концепция московской школы полезна для тех языков, орфография которых построена на морфологическом принципе, в частности, для обучения русской орфографии, но особенностей системы фонем, хранящейся в мозгу человека, явно не отражает.

Трактовка фонемы Ленинградской фонологической школы строго фонетическая: Л.В. Щерба определяет фонему как звукотип, способный дифференцировать произнесение, не зависящее от индивидуальных особенностей говорящих; произносимые звуки представляют собой оттенки фонемы, так в словах *сам* и *воды* мы имеем дело с разными фонемами [а] и [о], в словах *сама* и *вода* первые гласные фонемы одинаковы (это нечто среднее между [а] и [о]). В словах *самовар* и *водяной* первые гласные фонемы также одинаковы (нейтральный гласный) [Щерба, 1951]. В словах *сад* и *сады* конечные согласные – разные фонемы [т], [д].

ПФШ и МФШ сближает идея нейтрализации фонем. Но МФШ и ПФШ по-разному оценивают фонологическую сущность звуков, выступающих в позиции нейтрализации. С точки зрения ПФШ в этой позиции выступает архифонема – особая фонологическая единица, отличная от фонемы, так как фонема и архифонема обладают разными наборами дифференциальных признаков. По ПФШ, фонема – пучок, сумма дифференциальных признаков; архифонема состоит лишь из дифференциальных признаков, общих для нейтрализованных фонем. Поэтому у слов *рот* и *род* один и тот же фонологический состав /рот/ – фонемы /р/ и /о/ и архифонема /т/.

С точки зрения МФШ архифонема – это часть каждой из нейтрализующихся фонем, так как звуки, представляющие архифонему, обладают тем же свойством, что и звуки, представляющие фонему в сигнификативно сильных позициях: и те и другие позиционно чередуются в тех же самых морфемах. Поэтому фонемный состав слова *рот* – /рот/, а слова *род* – /род/. Таким образом, содержание основной единицы фонологии – фонемы в МФШ и ПФШ различно.

Для ПФШ характерна детальная разработка теории оппозиций (противопоставления) фонем и теория дифференциальных признаков, тогда как МФШ основное внимание обращает на теорию позиций, в которых выступает фонема. В основе учения ПФШ – сигнификативная функция фонемы, в основе учения МФШ — перцептивная. Эти школы, описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга.

Американская школа дискриптивной фонологии стала развиваться в начале XX в. как школа, которая решала задачи описания языков американских индейцев. Их концепция была близка взглядам Ленинградской фонологической школы. В частности, американские ученые наиболее чётко сформулировали процедуру членения речевого потока на фонемы речевосприятия.

4. Слог как единица языкового сознания. Выявление и описание интоном

По результатам исследований фонетистов и психолингвистов реальной единицей языкового сознания является слог. Идею слоговых фонем (силлабофонем) обсуждали такие авторитеты лингвистики, как Л.В. Щерба, С.Д. Кацнельсон и др.

Со слога начинается детский лепет, именно из повторяющихся слогов составлены первые слова – *па-па*, *ма-ма* и др. Только в слоге могут реализоваться отрезки интонации – просодемы. Если гласный звук можно произнести автономно, то называя согласные звуки, мы фактически произносим слог – *тэ*, *дэ*. О слоге как основе языка уверенно говорят специалисты по языкам Азии и Африки (китайскому, японскому, семитским и другим языкам).

В самом деле, трудно представить, что в памяти человека хранятся столь туманные образы фонем, о количестве и качестве которых не могут уже 100 лет договориться ученые-фонологи. Что же касается образов слога, они знакомы каждому говорящему, на их изображении строились многие древние письменности. Некоторые исследователи

происхождения языка считают, что гуманоиды стали людьми, изобретя слог, заменивший первичные звуки.

В связной устной речи из отдельных просодем, опирающихся на слог как минимальную единицу звукового потока, складывается интонация (воспринимаемая на слух структура тоновых, силовых, темповых и спектральных изменений, расчлененная паузами и ударениями). С помощью интоном передаются коммуникативные смыслы сообщений: законченность/незаконченность, вопрос, побуждение, экспрессия и др. Различаются интонационные рисунки лекции и ораторского выступления, спортивного репортажа и сказки и т.д.

Так, воспроизведение русской резко повышающейся на одном слове в середине вопроса интонации при обращении к носителю английского языка будет звучать неприветливо:

– *Это ваша ручка?* – *Is this your pen?* (говорящий раздражен или сомневается в достоверности сказанного).

В современной английской речи популярен повышающийся тон в конце утвердительной фразы:

We are moving the office to the fourth ↗ floor.

He got the job of vice ↗ president.

We 're going to the ↗ movies? (с резким повышением тона – приказ/удивление, без повышения голоса – приглашение)

Вместе с тем предложение с понижением голоса может получить резко саркастическое звучание:

You'll ↘ never learn.

Следует признать, что выявление и описание интоном началось недавно и не получило широкого признания. Это объясняется тем, что многие ученые считают интонацию фактом ввелингвистическим или лингвистическим, но несистемным, не имеющим своих знаковых единиц, не входящим в систему других языковых явлений. Между тем, без овладения ими нельзя ни правильно передавать коммуникативные намерения, ни правильно их понимать.

§4. ГРАММАТИКА.
ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ МИРА.
ВЛИЯНИЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ.
ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ:
ГРАММАТИКА И ЛОГИКА. ГРАММАТИКА ФОРМАЛЬНАЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

1. Грамматика. Основные грамматические традиции мира:
китайская, индийская, арабская

Общее языкознание как особый раздел науки о языке выделилось только в XIX в., унаследовав проблемы, обсуждаемые философами, логиками и филологами. С древнейших времен существовала профессия учителя, переводчика (ее вызвали к жизни военные походы и путешествия). Позже возникла специальность филолога – толкователя древних литературных, религиозных, художественных памятников, непонятных текстов.

Понадобилось более двадцати веков чтобы подготовить бурное развитие лингвистики XIX–XX вв. Но без этого подготовительного этапа («детства» лингвистики), когда были заложены основы знаний и возникли разные школы, невозможно правильно понять закономерности развития лингвистики, оценить ее современное состояние.

Языковедческая мысль начинает формироваться в древних государствах Ближнего Востока (IV–I тыс. до н.э.: Египет, Шумер, Вавилония, Хеттское царство, Финикия, Угарит и др.). В их графических системах первоначально использовался идеографический (понятийный), а затем словесно-слоговой принцип. У западных семитов (Угарит, Финикия) к середине II тыс. до н.э. сложилось алфавитное письмо. Его принципы легли в основу многих графических систем, вплоть до систем индийского письма. Финикийский (ханаанский) алфавит явился прототипом греческого письма, знаки которого были впоследствии использованы в письме латинском, коптском, готском, славянском и т.д.

К исследованиям языка на Востоке относится изучение зарождения и развития **китайской лингвистической традиции**, обусловленное особенным характером китайского языка и его рано возникшем иероглифическим письмом (во II тыс. до н.э.).

Поскольку иероглифическая система записывает не звучащую речь, а смысл слова, то система знаков, фиксирующих смысл, не зависит от звучащей речи.

Корневой (изолирующий) строй китайского языка имел в качестве доминирующей фонетической единицы слог, границы которого в большинстве случаев совпадали с границами морфем и слов. Слог и стал главным отправным пунктом едва ли не всех языковых штудий на протяжении всего классического периода китайской филологии до конца XIX в. Слоги классифицировали по рифмам, тонам, по начальному согласному и конечному звуку (открытые/закрытые), по рядам (дэнкам). В тоне с V в. выделяют четыре разновидности: ровный, восходящий, падающий и входящий.

С III в. н.э. составляются словари рифм. Так, в изданном в 1008 г. словаре «Гуань юнь» зафиксировано 206 рифм. И все же китайской филологии не удалось выйти на отдельный звук и его фонологическую характеристику, звук был заслонен слогом.

Сильной стороной китайской традиции было учение письменности (II в. до н.э.). Средние века и Новое время отмечены расцветом лексикографической деятельности. Так, в начале XVIII в. был составлен словарь, включающий более 49 тыс. иероглифов.

Японский язык, в отличие от китайского (корневого, нефлективного), является языком агглютинирующим, использующим разнообразные аффиксы, отсутствующие в китайском языке (в китайском письме не было знаков для изображения грамматических показателей).

Первоначально японцы стали записывать грамматические элементы с помощью специальных дополнительных значков, но эта система оказалась слишком сложной. Структура японского слога нуждалась в фонетическом письме. В течение VIII в. была создана собственно японская письменность – канна, которая была слоговой – каждый знак соответствовал слогу. Всего в систему японской письменности входят 48 знаков. Однако кана не вытеснила иероглифы.

Между XIII и VII вв. до н.э. **иврит** становится самостоятельным семитским языком, окончательно отделившись от близкородственных ему западносемитских языков. Наиболее древний литературный источник на иврите из обнаруженных к настоящему времени – «Песнь Деворы» (XII в. до н.э.), которая входит в состав Ветхого Завета.

Стимулом к возникновению **индийского** языкознания была потребность в правильном произношении текстов санскрита. Вершиной лингвистической мысли явилось «Восьмикнижие» Панини (V–IV вв. до н.э.). Правила (около четырёх тысяч) сформулированы довольно кратко, часто рифмованны и рассчитаны на запоминание. Исследователи полагают, что сам Панини не владел письменной речью, и составленные им правила вначале передавались только устно. В лингвисти-

ческом плане поражает скрупулёзность характеристики звуковой, точнее, звукобуквенной стороны языка: он четко различает согласные и гласные (они писались в разных строках – в основной строке согласные, в «надписной» или «подписной» – гласные).

Для звуков существовала градуированная классификация по степени раскрытия рта (звуки полного контакта, легкого контакта, закрытые, полужакрытые, открытые). В зависимости от образования контакта различали проточные и резонансные, вокализованные и невокализованные, придыхательные–непридыхательные, назализованные–неназализованные. В морфологии центром внимания были не части речи (хотя разграничиваются имя и глагол), а структура слова – корень и аффиксы. Учитывалось влияние соседних морфем друг на друга («сандхи»).

По мнению исследователя в области истории лингвистических учений В.М. Алпатова, Панини создал «почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита [Алпатов, 1998]. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всём мире по крайней мере до XX столетия, а в некоторых отношениях не превзойдён до сих пор».

С VII по XIV в. для **арабской** языковедческой традиции была характерна практическая направленность – распространение Корана среди многонационального населения обширного Арабского халифата (Аравия, Передняя Азия, Северная Африка, Пиренейский полуостров) на литературном языке со сложной морфологией (перевод Корана на туземные языки запрещался).

Интерес к научному исследованию арабского языка возник одновременно в г. Басре (Персидский залив) и в г. Куфе (современный Ирак). Быстро набирая экономический и культурный потенциал, Басра и Куфа начали полемику по проблемам грамматики. Филологи Басры ревностно оберегали чистоту и нормы классического языка Корана, куфийцы, ориентировавшиеся на разговорный язык, допускали некоторые отклонения от строгих норм классического литературного языка. Главным расхождением стал выбор единицы для словообразования: басрийцы стояли за имя действия, куфийцы предлагали глагол прошедшего времени. С возникновением Багдада (в 762 г.), третьего иракского центра культуры и науки, возникла новая, смешанно-эkleктическая школа с установками на логическую ясность и лаконизм.

В VII в. за кратчайшую единицу арабского языка принимается харф, состоящий из согласного и краткого гласного. Но, в отличие от китайцев, здесь не возникло учения о слоге. В VIII в. Халилем со-

ставлен и словарь «Книга айна», в которой слова располагались по артикуляционным характеристикам корневых согласных от заднего к переднему: гортанные, язычные, зубные, губные (как и в индийской традиции). Арабские фонетисты насчитывали 16 «месторождений» звуков, причем три группы в области гортани. В последующие века успехов достигла арабская лексикография: многотомный словарь Фирузабади (1329–1414) «Камус» (Океан) стал синонимом любой словарной книги.

2. Греко-латинская лингвистическая традиция

В Европе лингвистическое знание возникает в Древней Греции, а затем продолжает разрабатываться в Риме.

В отличие от эмпирического индийского языкознания в греческом учении о языке прослеживается философский подход: Демокрит (род. около 470 г. до н.э.), Гераклит (род. около 544–540 гг. до н.э.), Платон (427–347 гг. до н.э.), Аристотель (384–322 гг. до н.э.), философы-стоики.

Грамматическая система в Греции и Риме была лишена государственного авторитета, не имела сакрального смысла, но рассматривалась наряду с практическими видами деятельности как социально полезный продукт. Особенно большой вклад в развитие грамматики внесли представители Александрийской школы. Они создали практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики. К трудам александрийцев восходит современная лингвистическая терминология. Из античных сочинений в грамматику всех языков вошли понятия «звук речи», «предложение», «часть речи», «падеж», «категория» и т.д.

К важнейшим проблемам для древнегреческих философов относились происхождение языка и взаимоотношение слова и вещи. Древнегреческие философы понимали, что речь – это уникальное явление, созданное сознательными и разумными усилиями. Поэтому вопрос о происхождении языка имел особую важность: «Кто создал язык и каким "материалом" он при этом пользовался?»

Вполне естественно, что все гипотезы о происхождении языка уже в Античности распадалась на две группы: «по природе» (*physei*), когда имена связывались с природой вещей и людей, свойства которых отражаются в звучании или значении имён; «по установлению» (*thesei*), когда имена людям и вещам (это не различалось) дают искусственные установители имён.

Основоположником теории «отприродности» имени был Гераклит Эфесский (540–475 гг. до н.э.), философ-пантеист, сформулировавший ряд принципов диалектики. По Гераклиту, восприятие вещей определено их природой. Люди должны открыть правильное имя, созданное природой. Но это удаётся далеко не всем. Только лучшие люди, из которых один стоит тысячи, могут познать вечный закон природы и высказать его. Они-то и открывают правильные имена, соответствующие природе вещей. Истинные названия – это тени или отражения вещей. Именно Гераклиту принадлежат знаменитые афоризмы: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», «Всё течёт, всё изменяется».

Демокрит, выступая против «природной» связи между словом и вещью, в доказательство того, что имена произошли от установления, по обычаю, приводил четыре довода: наличие омонимов (стало быть имя не от природы), синонимов, неназванных вещей и возможность переименования (в именах собственных). Детально эти вопросы обсуждаются в диалоге Платона «Кратил».

Желание обнаружить истинное значение слова стимулировало зарождение этимологии. Так, стоик Хрисипп писал, что поскольку слова истинны, то задача состоит в том, чтобы найти их истинность. Однако античные этимологии научной ценности не имели: например, Фигул считал, что *vos* потому означает «вы», что губы движутся в сторону собеседника. Римский поэт Апулей *hosiis* – «враг» объяснял графически: буква «Н» подобна двуглавному мечу между двумя враждующими сторонами. Этимология как научная дисциплина появляется позднее – в период сравнительно-исторических исследований.

Проблема соотношения логики и грамматики впервые была поставлена в работах крупнейшего древнегреческого философа Аристотеля (322 г. до н.э.). Его труды по логике и поэтике оказали огромное влияние на развитие этих наук на многие времена.

Аристотель создал основы формальной логики, понимая логику как описание основных форм мышления: понятия и умозаключения. В недрах логики и риторики он создает учение о частях речи (понятия «слово» еще нет). В «Поэтике» Аристотель выделяет восемь частей речи: звук, слог, союз, член (предлоги), имя, глагол, падеж и предложение (связную речь любых размеров). Глагол отличается от имени тем, что имеет время и обладает предикативной функцией (предикация состоит в соединении или разделении терминов: *человек идет* означает *человек есть идущий*). Кроме имени и глагола, выделяется связка.

Это учение еще не имело собственно грамматического значения, но послужило стимулом для создания грамматики. Стоики, признав номинатив также падежом, приближаются к понятию формы слова. Собственно, грамматика как аналог современной лингвистики выделилась в эллинистический период. Наивысшими её достижениями явились грамматические труды представителей Александрийской школы (с конца IV в. до н.э.), особенно Дионисия Фракийца (170–90 гг. до н.э.) и Аполлония Дискола (II в. н.э.).

Грамматика понималась как искусство. В её ведение были включены правила чтения и ударения, классификация согласных и гласных, структура слога, определения слова и предложения, классификация частей речи, категории («акциденции») имени и глагола, именное и глагольное словообразование, особенности греческих диалектов. Александрийцы были сторонниками принципа аналогии, т. е. считали, что в языке господствует регулярность, в то время как сторонники принципа аномалии отдавали предпочтение случайности.

Традиции Александрийской школы были продолжены в Риме. Римскому учёному Марку Аврелию Варрону (116–27 гг. до н.э.) принадлежат многочисленные труды, в которых речь идёт о проблемах языка. Главным его теоретическим трудом был трактат «О латинском языке» (Марк Аврелий Варрон, 83–82 гг. до н.э.). Система александрийской грамматики легла в основу руководства по латинскому языку.

Средними веками называют период времени между падением Рима в 476 г. и открытием Америки Колумбом в 1492 г. Это было тысячелетие умственного застоя в Европе, задевшего и языкознание. На развалинах некогда могущественной Римской империи складывались новые княжества и государства, подвергшиеся христианизации. Латинский язык, язык науки и католической ветви христианства – католицизма, надолго остался образцом для учёных из стран Западной Европы.

Латинский язык как письменный язык межнационального общения ученых рассматривался в то же время как школа логического мышления. Правила и понятия латинской грамматики считались всеобщими и механически переносились на грамматики новых языков. Поскольку священные книги были написаны на латинском языке, толкования христианских текстов сопровождалась и анализом латыни. В итоге в Европе был создан новый тип грамматик – философский. Сильной стороной этих грамматик был их объяснительный характер: у всех описанных явлений авторы старались установить философскую

(чаще логическую) сущность. Лучшая из этих философских грамматик была написана немецким учёным Томасом Эрфуртским в начале XIV в.

Итак, европейская лингвистическая мысль, опираясь на протяжении многих веков на каноны греческой (на Востоке) и латинской (на Западе) грамматики, изложенной в фундаментальных учебных руководствах Доната и Присциана, развивая лингвофилософские взгляды отцов церкви, используя достижения схоластической логики, идеи Августина Блаженного, Исидора Севильского, Фомы Аквинского и других учёных, заново осмысляя наследие Аристотеля, последовательно строила новые системы философии языка, формировала строго доказательную грамматическую науку, противостоящую практической грамматике.

3. Логическое направление в языкознании: грамматика и логика

К трудам античных грамматистов восходит и представление о тесной связи грамматики и логики. Еще в работах Аристотеля поднимался вопрос о способах установления истинности или ложности суждений, построенных средствами языка. В духе логицизма, т. е. полного соответствия категорий логики и грамматики, построена и грамматика Пор-Рояля, труды Ф.И. Буслаева. Представители логицизма проводили параллель между категориями логики (субъект, объект, предикат, понятие, суждение, умозаключение) и соответствующими категориями языка (подлежащее, дополнение, сказуемое, слово, предложение). Язык изучался ими сквозь призму логических категорий.

Далее представим аргументы исследователей, полагавших, что категории языка и логики вполне соответствуют:

- слова в языке грамматически оформлены в соответствии с логическими законами;
- в синтаксической структуре предложения используется сочинительная и подчинительная связь, отражающая различные типы отношений между его частями по законам логики;
- деление на части речи осуществляется с опорой на логический критерий (возможность выступать в позиции объекта или субъекта для существительных, предиката для глагола и т.д.);
- в речи не употребляются грамматически правильные, но логически неверные предложения.

Другие лингвисты (например, психологист Г. Штейнталь) считали, что категории языка и логики несовместимы: «языковые и логи-

ческие категории являются несовместимыми понятиями, они соотносятся друг с другом так же, как понятия круга и красного». Эту точку зрения разделяют представители лингвистического бихевиоризма и американской дескриптивной лингвистики (стремящиеся обойтись вообще без смысловой стороны языка (подведомственной металингвистике) и сосредоточивающие свои усилия на описании внешней формальной структуры языка).

Представим далее аргументы исследователей, полагающих, что категории языка и логики вполне соответствуют:

- ✓ языковых категорий (в частности, грамматических) гораздо больше, чем логических;
- ✓ в языке есть средства, не имеющие соответствия в логике: междометия, грамматические категории модальности и наклонения и др.;
- ✓ языковые категории существенно различаются в разных языках по своему содержанию и употреблению, в то время как законы логики едины для всех.

Языковеды, занимающиеся вопросом отношения грамматических и логических (покоящихся на обобщении предметов действительности) категорий, обычно указывают на их расхождение. Однако полностью отрицать связь между логикой и грамматикой не следует. Они связаны косвенно, через понятие, через грамматические значения, которые, в свою очередь, формируют грамматические категории.

Единство логической или понятийной, или мыслительной категории и языковой или речевой категории образует так называемую когнитивно-коммуникативную категорию.

Логическое направление в языкознании – это изучение языка в его отношении к мышлению и знанию. Для него характерно выявление универсальных свойств языка в ущерб его национальных особенностей, выработка единых принципов анализа языка, независимых от реальных языковых форм (общее для всех языков представление структуры предложения, системы частей речи и др.), предпочтение синхронного анализа диахроническому, преимущественная разработка синтаксиса (теории предложения); определение грамматических категорий по их отношению к универсальным категориям логики: слова – к понятию (концепту), части речи – к выполняемой ею логической функции, предложения – к суждению и т.д.

Корни логико-грамматического направления следует искать в трудах Аристотеля, родоначальника формальной логики. Позиции этого направления укрепились благодаря «Всеобщей рациональной грамматике», созданной Арно и Лансло в XVII в., и философским грамматикам более позднего времени [Арно А., Лансло К., 1660].

Схоластическая наука V–XIV вв., продолжавшая греко-римскую традицию, не разорвала связи между логикой и грамматикой. Логизация грамматики усилилась в эпоху П. Абеляра (XI–XII вв.), когда было заново открыто наследие Аристотеля, в частности стал доступен полный свод его логических сочинений. Близость логики к грамматике была обусловлена отсутствием специальной логической символики, вследствие чего положения логики обосновывались материалом естественного языка.

К числу понятий, получивших оригинальное развитие в логико-грамматических трактатах в Средние века, принадлежит понятие **суппозиции** (лат. *suppositio* – подстановка, замещение). Ш. Балли, испытавший влияние схоластов, писал, что благодаря суппозиции предикат устанавливает связь с действительностью и предложение-суждение получает истинностное значение. Суппозиция совместно с понятием виртуального языкового смысла (*significatio*) образовала ядро схоластической семантики. Схоластами выделялись многочисленные виды суппозиции: *suppositio personalis* – отнесение имени к индивидууму объекту, *suppositio materialis* – отнесение к самому себе и т.д. [Балли, 1855].

В основу теории значения предложения вслед за Абеляром (XII в.) было положено понятие **диктума** (предложения обозначают не предметы, а состояния предметов). Диктум как объективная часть значения предложения соотносителен с модусом – операцией, производимой мыслящим субъектом. В XX в. Балли возродил в лингвистике теорию модуса и диктума. Модисты понимали предложение как динамический переход от начального пункта, называемого *suppositum* (буквально – подставленное), к конечному пункту, называемому *appositum* (буквально – присоединяемое).

Так, к частям речи, соотносимым с исходной позицией, причисляли существительные и местоимения, к частям речи, соотносимыми с конечным пунктом, причисляли глаголы, прилагательные, причастия и наречия. Третья из выделенных групп объединяла части речи, выражающие отношения (предлоги, союзы и междометия).

В период господства философской доктрины рационализма (XVII–XIX вв.) была возрождена идея универсальных грамматик, основанная на убеждении в абсолютном соответствии речи натуральной логике мышления. В 1660 г. в (как было упомянуто выше) монастыре Пор-Рояль учеными-монахами А. Арно и К. Лансло была создана «Грамматика Пор-Рояля» [Арно, Лансло, 1990].

Логическое направление в языкознании первой половины XIX в., в отличие от рациональной всеобщей грамматики XVII в., больше об-

ращало внимание на национальную специфику языковой формы, на единство логического и исторического и было по преимуществу логико-синтаксическим (морфология понималась как этимология, а лексическое значение – как понятие).

В центре этой полемики оказались исследования Карла Беккера (1775–1849), основоположника немецкой логико-грамматической школы в компаративистике. В трудах Беккера дальнейшее развитие получили идеи Грамматики Пор-Рояля. В 1827 г. он опубликовал работу «Организм языка» [Беккер, 1841], где применил законы логики к материалу современного ему немецкого языка. В центре внимания Беккера оказался синтаксис, так как логические законы удобнее рассматривать на синтаксическом уровне. Морфология занимает подчинённое положение по отношению к синтаксису. Он признаёт, что только в предложении логические законы прослеживаются наиболее полно, ибо через предложения выражаются суждения и умозаключения.

Главная проблема для К. Беккера заключалась в том, чтобы проследить, как законы логики находят своё отражение в национальном языке. Его логико-семантический принцип на долгие годы оставался ведущим при изучении грамматик новых языков.

Предложение стоит в центре грамматической системы Ф.И. Буслаева (1818–1897): «...Синтаксис есть основа всему построению языка, этимология же только приспособляет слова различными изменениями и формами к составлению предложения. Как слово, есть часть предложения, так и этимология входит в синтаксис как его часть» [Буслаев, 2006]. Буслаев развил и уточнил положения логико-семантической школы логического направления в грамматике, создав учение о логикоформальной основе предложения.

Семантика у представителей логического направления отождествляется с логическими категориями и операциями, а языковые формы – с логическими формами мышления (слово есть понятие, предложение – суждение (пропозиция)). Такое понимание связи языка и мышления приводит к отрицанию языкового мышления, национальной и исторической специфики не только в языковой семантике, но и в формах языка. На передний план выдвигается изучение универсальных свойств языка, описываемых при помощи дедуктивно-классификационной методики.

В 60–80-е гг. XX в. аналитическая философия разработала ряд проблем логической семантики, основными понятиями которой стали сигнификат (интенционал, смысл) и денотат (экстенционал, референт). В связи с сигнификатом (языковой, виртуальный смысл слов) обсуж-

дались синонимия, значимость (наличие значения), роль смысла в формировании значения предложения и т.п. В связи с денотатом исследовалась природа именованности, виды референции и ее механизмы.

Важным для логической грамматики стало введенное Б. Расселом понятие дескрипций – нарицательных имен, приобретающих способность к референции только в контексте предложения. Они противопоставлялись собственным именам, сохраняющим отнесенность к объекту и вне контекста речи [Рассел, 1996]. Были разработаны типы контекстов – интенциональные, создаваемые глаголами мышления, мнения, знания и экстенциональные, независимых от субъективного модуля [Куайн, 2008]. Изучая прежде всего язык науки, они не принимали во внимание коммуникативный аспект речи, прагматические условия коммуникации, антропоцентризм.

Однако еще в 1940-е гг. Л. Витгенштейн указал на недостаточность теории, ограничивающей функции предложения утверждением истинности суждения (его концепция легла в основу теорий лингвистической философии Г. Райла, П.Ф. Стросона, Дж. Остина и др.) [Ryle, 1949]. Он обратился к логическому анализу обыденного языка, наблюдаемого в его повседневном функционировании. В 60–80-х гг. в лингвистике прошло становление коммуникативного направления анализа языка. Последнее сделало ставку на семантику слова и взаимосвязь языка и мышления, тем самым сблизившись с социолингвистикой, психолингвистикой и, наконец, с когнитивной лингвистикой.

4. Грамматика формальная и функциональная

Грамматика непосредственно составляющих возникла в рамках дескриптивной лингвистики. Это формальный метод, при котором предложение рассматривается как совокупность непересекающихся элементов. Принцип разбора предложения по принципу **непосредственных составляющих (НС)** предельно прост: два рядом стоящих элемента объединяются в структуру, если они связаны синтаксически (рис. 6).

Предложение рассматривается как линейная цепочка элементов, объединяемая в блоки по определённым правилам. Например, русское предложение *Молодой месяц показался на ясном небе* (А.С. Пушкин «Путешествие в Арзрум») необходимо разбить на две части: *Молодой месяц* и *показался на ясном небе*. Затем каждую из полученных частей также разбить на две: *Молодой* и *месяц*, *показался* и *на ясном небе*. Остаётся разбить последнюю часть на две *на небе* и *ясном*, чтобы достичь цели.

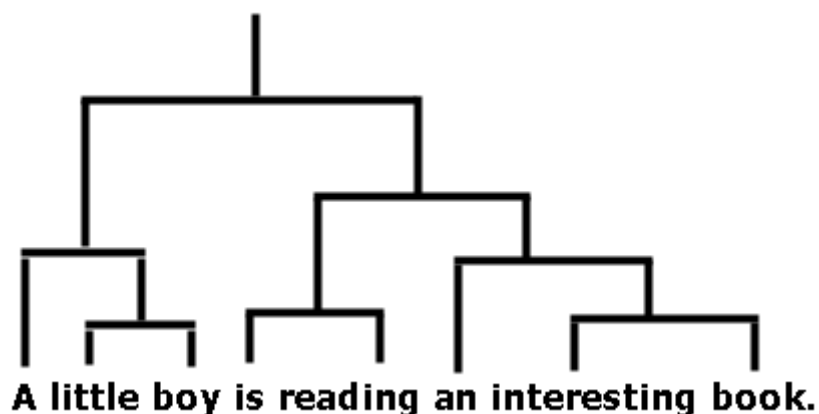

Рис. 6. Пример анализа предложения по непосредственным составляющим

Обычно при анализе по НС в каждой паре выделяются главный и подчинённый компоненты – ядро и спутник: основа + окончание, существительное + прилагательное, глагол + наречие, главное предложение + придаточное предложение и т.д. В ходе анализа ядра и спутника выяснилось следующее: если один из компонентов встречается изолированно, то это и есть ядро (в комбинации морфем *дом-ик* ядром является *дом-*); если компонент А входит в класс с большим числом элементов, то это и есть ядро (существительных больше, чем предлогов, поэтому в комплексе *с высоты* ядро – *высота*; основ больше, чем окончаний, значит, в комплексе морфем *стен-а* ядром является основа *стен-*); если А соединяется с большим числом элементов, то это – ядро.

Подобный тип синтаксического разбора хорошо работает в случаях с прямым порядком слов, если порядок слов свободный, как в русском, то разбор становится либо бессмысленным, либо имеет место «пересечение» ветвей, что противоречит правилам НС.

Методика анализа по НС имеет следующие недостатки: 1) она не выработала инструмента различения похожих синтаксических структур, различных по смыслу (например, абсолютно идентично выглядят схемы предложений *Рабочие строят дом* и *Рабочими строится дом*). Методика бессильна отличить объект действия (в первом предложении) от субъекта действия (во втором); 2) она применима только в рамках простого предложения, и то не во всех случаях; 3) руководствуясь этой методикой, лингвист не в состоянии ответить на вопрос о том, что же является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне. Недостатки дескриптивной грамматики НС в США попытались прео-

долеть при помощи трансформационной (порождающей, генеративной) грамматики.

В 1950-е гг. лингвисты начали осознавать, что структурный, чисто формальный подход к изучению языка, не учитывающий семантики языковых единиц, себя изживает.

Одна из ветвей формального направления в лингвистике, возникшая под влиянием идей Н. Хомского в 50–60-х гг. XX в. получила название **трансформационная порождающая грамматика**. Структура этой грамматики имеет три основных компонента: синтаксический, семантический и фонологический, из которых центральным является синтаксис, остальные выполняют интерпретирующие функции. В трансформационную порождающую грамматику вводится два уровня синтаксического представления: глубинный и поверхностный; задачей синтаксического описания является исчисление всех глубинных и поверхностных структур и установление между ними строгого соответствия.

В грамматике приняты базовые терминальные (далее – неразложимые) символы частей речи: S – Sentence (Предложение), NP – Noun Phrase (Именная группа), VP – Verb Phrase (Глагольная группа), T – The (Артикль), Attr (A) – Attribute (Определение), N – Noun (Имя), V – Verb (Глагол), Aux – Auxiliary (Вспомогательный Глагол), Part – Participle (Причастие), Adv – Adverb (Наречие), представляемые в виде так называемого дерева.

Структура разбиравшегося ранее предложения примет вид, как на рис. 7.

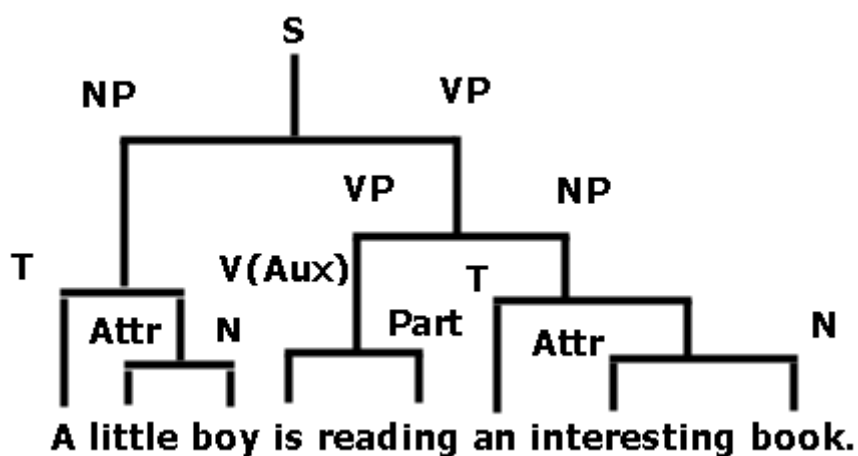

Рис. 7. Пример анализа предложения в рамках трансформационного подхода

Н. Хомский описал 24 типа трансформаций и разработал «алгебру трансформации», которая отражает последовательность возможных преобразований. Он приводит знаменитый пример *Colourless green ideas sleep furiously* ('Бесцветные идеи спят яростно'), который является абсолютно бессмысленным, но с точки зрения грамматики правильным. И, напротив, фраза *моя твоя не понимай* абсолютно понятна каждому носителю русского языка, но грамматически построена неправильно. Основная проблема лингвистического анализа – отделить грамматически правильные последовательности, являющимися предложениями языка, от грамматически неправильных последовательностей, которые ими не являются.

Генеративная лингвистика получила развитие во всем мире в 60-х гг. XX в. Она привлекла внимание к ненаблюдаемым объектам синтаксиса, существование которых определялось косвенно, способствовала выработке аппарата описания синтаксиса, ввела в лингвистику технику формализации описания, облегчающую автоматизацию языковых процессов с помощью ЭВМ.

В 1970-е гг. влияние идей генеративной лингвистики значительно ослабляется, поскольку вскрываются её слабые стороны: заведомость в выделении базового компонента; неориентированность на речевую деятельность, недооценка роли семантического компонента и прагматики. Однако терминологический аппарат трансформационной порождающей грамматики вошел в лингвистический обиход и используется лингвистами, работающими вне рамок генеративной лингвистики (глубинная структура, поверхностная структура, трансформации и некоторые др.). После выхода «Аспектов теории синтаксиса» Хомского [Хомский, 1965], отражавших стандартную теорию, в генеративной лингвистике возникли оппозиционные течения: порождающая семантика и падежная грамматика, называемые функциональными.

Теньеровская грамматика. Любая ситуация отображается в ментальной сфере сочетанием концептов, а в языковой – семантической конфигурацией. Её ядром служит семантема, отображающая признак, отношение или семантический предикат. Последний, обладая определённым валентностным потенциалом, стремится создать своё окружение, в которое входят семантемы, отображающие участников ситуации или семантические актанты. Актанты квалифицируются в зависимости от тех ролей, которые играют в ситуациях их предметные участники. Им приписываются семантические роли агента (производителя действия), объектива (объекта действия),

инструмента и т.д. Семантическую конфигурацию часто называют пропозицией.

Пропозиция, или семантическая конфигурация не линейна: предикат пропозиции главенствует над своими актантами. В скобочной записи это выглядит так: «открывать» (*Виктор, дверь, ключ*). Пропозиция выступает как начальный способ «упаковки» информации, которая подлежит передаче посредством высказывания. Одна или ряд пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (смысловую) структуру. Ядро пропозиции носит название релятор, функтор и т.п. (рис. 8).

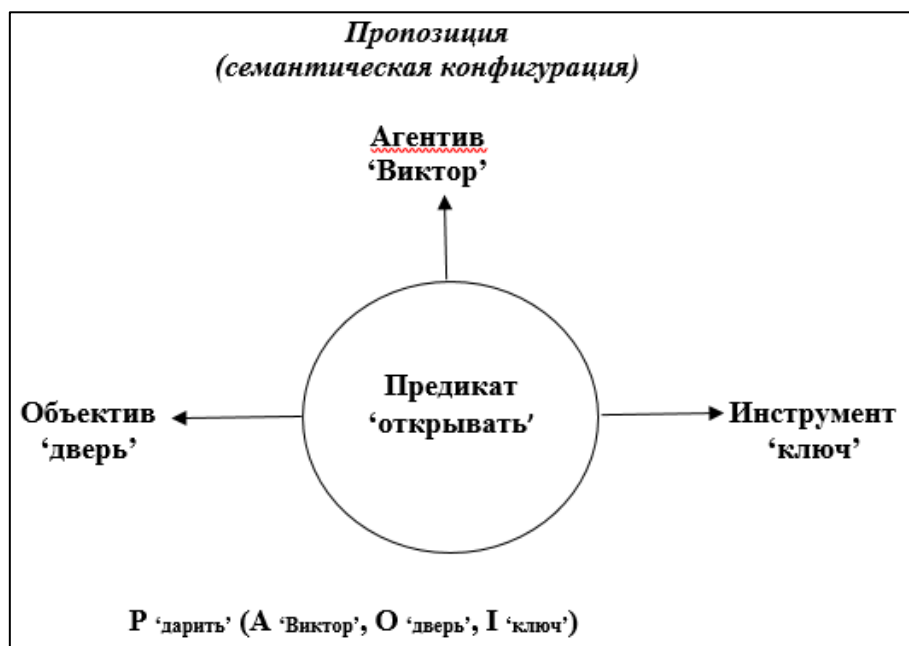

Рис. 8. Пример актантажной модели анализа предложения

Приведем другой пример предложения, построенного в духе Люсьена Теньера [Теньер, 1988]: *Вчера Антон подарил маме красивые цветы*. Здесь А1 – первый актанта (подлежащее) – *Антон*, А2 – второй актанта (прямое дополнение) – *цветы*, А3 – третий актанта (косвенное дополнение) – *маме*, С – сирконстант (обстоятельство) – *вчера*, Attr – атрибут (определение) – *красивые* (рис. 9).

Из схемы вытекает семантически господствующая роль предикатного компонента и подчинённая роль предметного компонента. Валентность может быть обязательной, предполагающей необходимость замещения вакантных позиций при данном предикатном компоненте и факультативной, когда реализующие её компоненты не входят в необходимое и достаточное окружение ядерного компонента.

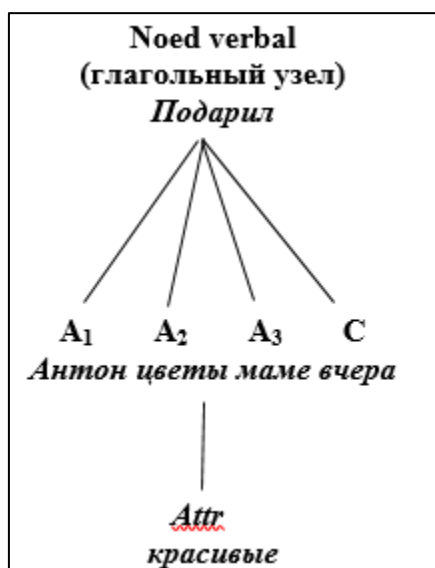

Рис. 9. Пример актантной модели анализа предложения в духе Л. Теньера

Падежная грамматика Ч. Филлмора. Тот или иной участник ситуации по отношению к другим её участникам и по отношению к ситуации в целом выступает носителем типовой роли; например, в ситуации дарения (ситуация с тремя участниками) роли распределяются следующим образом: «даритель», «объект дарения», «получатель подарка» («агенс», «пациенс», «бенефициант»).

Число возможных семантических ролей актантов (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей) не очень велико (одни лингвисты говорят о 8 ролях, у других список превышает 40 ролей). Так, глагол *открывать* создаёт рамку (frame) Объектив, Инструмент, Агенс. Используя подобные схемы, можно построить типологию синтаксических конфигураций.

Приведём список **ролей**, комбинируя инвентари Ч. Филлмора [Fillmore, 1988], В.В. Богданова и И.П. Сусова:

«агенс» («агентив») – одушевлённый производитель действия: *Мама печёт пирожки*;

«экспериенсер» («экспериенсив») – одушевлённое существо, субъект восприятия, носитель эмоций и т.п.: *Сестра радуется подарку*;

«бенефактив» («бенефициатив») – одушевлённое существо, на пользу (во вред) которому совершается действие: *Сын получил в подарок часы*;

«элементив» – стихийная сила как источник изменения в положении дел: *Молния ударила в дерево*;

«фактитив» («результатив») – одушевлённый или неодушевлённый предмет, возникший в результате действия, прекративший существование или подвергшийся изменению: *Мальчик нарисовал картину*;

«объектив» – предмет, участвующий в действии, но не подвергающийся изменениям в своём качестве: *Сестра ставит вазу на стол*;

«перцептив» – предмет восприятия: *Картина радует зрителя*;

«инструмент» – предмет, посредством которого совершается действие: *Мел пишет хорошо*;

«локатив» – место, где происходит действие: *Мы живём в Магнитогорске*;

«аблатив» – место, откуда начинается перемещение в пространстве: *Поезд отошёл от перрона*;

«директив» – место, являющееся конечным пунктом передвижения: *Я направился в Интернет-центр*;

«транзитив» – место, через которое пролегает путь: *Я иду по коридору*.

При развёртывании текста происходит сцепление пропозициональных структур отдельных предложений в пропозициональную структуру текста (макроструктуру).

С точки зрения актантной теории выделяются следующие этапы порождения высказывания: осознание потребности в коммуникации (мотив); выбор общей структуры высказывания (предикат и его актанты), отнесение высказывания к предметной ситуации, выбор слов, замещающих предикатную и актантные позиции; лексико-грамматические операции по развёртыванию высказывания; фонологическая-фонетическая проработка высказывания и моторная реализация высказывания.

При этом построение общей схемы высказывания (предикатно-аргументная структура) осуществляется в передней (речевой) зоне коры головного мозга, поиск смысловых, грамматических и артикуляционных элементов, соотнесение темы и ремы высказывания осуществляется речевыми механизмами задней части коры мозга.

Слушатель – такой же активный участник речевого общения, как и говорящий. Восприятие речи начинается с распознавания фонем и словоформ, выделяются группа подлежащего и группа сказуемого. Меньше времени требуется для восприятия активных утвердительных предложений, больше – пассивных отрицательных или неправдоподобных.

Многие лингвисты взяли на вооружение разработанное в логике понятие пропозиции как семантического инварианта. Это позволило по-новому подойти и к проблеме членов предложения. Кроме того, это

означает необходимость рассматривать подлежащее как член предложения, подчинённый сказуемому и равный по своему иерархическому статусу дополнениям (Л. Теньер). Обстоятельства относятся к периферии, а определение по существу является не членом предложения, а лишь частью члена предложения. Поэтому определения и многие обстоятельства нередко трактуются как предикаты второго порядка.

Итак, на первый план были выдвинуты идеи валентностного анализа, синтаксиса зависимостей, семантической роли, глубинной (или смысловой) структуры и т.п. Таковы теории Л. Теньера (актантный синтаксис), А.А. Холодовича (валентностный синтаксис) [Холодович, 1979], С.Д. Кацнельсона (структура «предикат + предикандумы») [Кацнельсон, 1965], Ч. Филлмора (падежная грамматика), И.П. Сусова (реляционная структура с релятором и релятами, аналог пропозиции с её предикатом и актантами) [Сусов, 1999], В.В. Богданова (структура «предикат + актаны»).

5. Грамматическая категория

Грамматическая категория – это совокупность однородных элементов языка (слов, значимых частей, сочетаний слов), объединенная грамматическим значением при обязательном наличии выражающего его грамматического способа (категория от греч. *kategoria* – доказательство, показание). Категории в грамматике могут быть более широкие (части речи) и более узкие как явления внутренней группировки в пределах части речи: у существительных – это категория числа, абстрактности, вещественности и т. п., у глаголов – категории залога, вида и т. д.

Имеется несоответствие грамматических категорий в разных языках. Так, в сомалийском языке есть категория всесторонне-окончательного вида, выраженная повтором (например, *fen-fen* «обглаживать со всех сторон» от глагола *fen* – «глодать»). Категория определенности и неопределенности (артикли), существенная для грамматик романо-германских языков, отсутствует в русском языке, но это не значит, что мы не можем иметь в сознании этих значений (они выражаются лексически, например, *этот, тот* для определенности и *какой-то, некий, один, одни* для неопределенности). В северных русских говорах для выражения определенности употребляется местоименная частица: *от, та, те* после слова (*дом-от, изба-то* и т.п.).

Различение грамматических категорий одушевленности и неодушевленности не следует смешивать с различием «живого»/«нежи-

вого»; так, в русском слова *покойник*, *мертвец* входят в категорию одушевленности, а *народ*, *пролетариат* – в категорию неодушевленности.

Количество категорий в разных языках может колебаться, например, в языках, имеющих склонение, количество падежей может колебаться от трех (арабский), четырех (немецкий), шести (русский) до пятнадцати (эстонский) и более (некоторые дагестанские языки). Содержание категорий в каждом языке может быть своеобразным: в тюркских, угро-финских и других языках, имена могут изменяться по лицам, ср. в казахском: *эке-м* – «моя мать», *эке-ц* – «твоя мать», *эке-си* – «его мать». Это является не склонением, а аффиксом притяжательности.

Наиболее общими и необходимыми категориями в грамматике каждого языка являются **части речи**. С выяснения этого вопроса начинается грамматическое описание любого языка.

Впервые стройную схему частей речи применительно к своему языку установили греческие александрийские ученые (II в. до н.э., г. Александрия); с небольшим изменением эту схему повторили римляне применительно к латинскому языку, благодаря чему эта античная схема стала использоваться и для описания грамматик новых европейских языков. Привычная схема частей речи европейских языков не годится для многих языков Азии и Африки. Например, в китайском прилагательные и глаголы объединяются в более широкой категории предикатива, тогда как в русском прилагательные и существительные объединяются в имена в противоположность глаголу.

**§5. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ. СВОЙСТВА СЛОВА.
СЕМАСИОЛОГИЯ: ПОНЯТИЕ И ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ.
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ.
СПЕЦИФИКА УНИВЕРСАЛЬНОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ,
ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ТИПОЛОГИИ.
ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ
И КОНТЕНСИВНАЯ ТИПОЛОГИИ.
ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЙ**

1. Принципы номинации. Свойства слова

В лексиконе человека слово как знак некоторого мыслительного образа существует в виде словоформы, которая вычленяется в потоке речи как значимый отрезок, характеризующийся двумя свойствами: относительной свободой перемещения во фразе и непроницаемостью для других значимых отрезков речи. Слово возникает как знак некоторого мысленного образа, эта знаковость слова является универсалией (присуща всем языкам мира) и имеет первостепенное значение для освоения языка.

Все знают, что слова пишутся отдельно, но ошибки на слитное или раздельное написание слов (*(за)границу, (не)приятель, (выше)указанный*) распространены очень широко. В связи с этим было сделано немало попыток найти строгие критерии определения слова, чтобы можно было точно сказать, где заканчивается одно слово и начинается другое.

Когнитивный подход к осмыслению значения слова предполагает, что значения изменяются под влиянием языковых и экстралингвистических факторов, для них характерны отсутствие четких, фиксированных границ, некоторая расплывчатость и неопределенность. Слово может «впитать» в себя из контекста эмоциональные, экспрессивные коннотации и начать значить больше или меньше (больше, потому что наполняется иным содержанием, меньше, потому что абстрактное значение может сужаться, конкретизироваться под влиянием окружающего контекста). Вырванное из контекста слово сразу перестает функционировать и обнаруживает только понятийные семы.

Но слово как сущность, производная от сознания, не может самостоятельно генерировать смыслы и новые значения, поскольку значения – это только результат работы человеческого сознания. Контекст лишь проявляет значение или его изменение, задуманное говорящим, который использует слово как форму, знак для слушающего.

Попытки перечислить конкретные фонологические и морфологические критерии для выделения слов какого-либо языка не привели к успеху. Известные ученые А.И. Томсон [Томсон, 1887], Л.В. Щерба [Щерба, 1974], М.Н. Петерсон [Петерсон, 1952] полагали, что деление слов условно и сделано для практических потребностей письма.

Трудность исследования природы слова состоит в том, что человеку кажется, будто бы формы слов обозначают не идеальные мысленные образы, а сами предметы, вещи, события материального мира.

Понадобилось несколько столетий раздумий, сопоставлений, философского анализа, чтобы античная проблема «слово–предмет» видоизменилась в проблему «слово–мысль о предмете–предмет». Изучение значения слова – это изучение состава мысленного образа, ассоциированного с лексемой.

Слово хорошо выделяется тогда, когда для него есть конкретный феномен, предмет, знаком которого эта форма слова является.

Слово является средством доступа к концептуальному знанию, но слово представляет концепт не полностью, а лишь несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Языковой знак (слово) можно уподобить включателю – он «включает» концепт в нашем сознании, активизируя и «запуская» его в процесс мышления. Далее мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные.

Часть значения слова, отражающая наиболее существенные концептуальные признаки, называется предметно-логической (денотативной); помимо денотативной, в составе значения может быть коннотативная часть, в которой заключены стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки значения (иногда значение может полностью состоять из эмоционально-экспрессивных компонентов), вызываемые концептом и звучанием формы. Так, компоненты «хорошо»/«плохо» присутствуют в коннотативной части значения слов *справедливость*, *энергичный*; *голословный*, *тягомотина*. Экспрессивная сема очень обнаруживается в значениях слов *раздраконить*, *наяривать* и др. Стилистические семы, отмечающие функциональную сферу употребления слова, содержатся в значениях лексем *местожительство*, *заслушать* (офиц.-делов.), *очи* (книжн.-поэтич.), *гальванизм* (научн.).

Более глубокое изучение коннотативной части значения слова приводит к выявлению в нем новых компонентов: национально-культурного, социального, идеологического и др.

В.В. Виноградов разграничивает прямое номинативное значение слова, производно-номинативное, фразеологически связанное и конструктивно-обусловленное значение. Два последних типа являются коннотативными, проявляющимися в контексте, например, в роли предиката («Эх, ты, шляпа!»). Имеются и другие классификации типов значения слов: по степени зависимости от контекста (свободные и связанные), по степени распространенности среди говорящих (узуальные и окказиональные).

Слову одного языка может не быть соответствия в другом (лакуна) (*abseil* «спускаться с крутизны на веревке», *acclaim* «шумно приветствовать», *flap* «нависающий над краем чего-либо предмет», *pet* «домашнее животное», *fortnight* «двухнедельный период времени» и др.). Также в английском нет обозначения для таких слов, как *сутки*, *кипяток*, *квас*, *щи*, *маячить*, *погорелец* и др. В русском отсутствуют соответствия немецким лексемам *Berufsverbot* «запрет на профессию», *Bierdeckel* «подставка под пивную кружку», *Geschwister* «дети одних родителей», *Seitensprung* «одноразовая супружеская измена», *Tafelbild* «учебный текст, написанный на доске» и др. В немецком имеются лакуны вместо концептов *винегрет*, *автолюбитель*, *сутки*, *кипяток*, *сухостой*, *аврал*, *облокотиться*, *однофамилец*, *ласковый*, *сладкоежка*, *именинник*, *погреб*, *смекалистый* и др.

Межъязыковые лакуны делятся на **мотивированные** (отсутствие соответствующего предмета или явления в национальной культуре – *лапти*, *щи*, *матрешка*, *балалайка*) и **немотивированные** (не могут быть объяснены таким отсутствием – *сутки*, *кипяток*, *вечер после работы*).

Значения делятся на семантические признаки (семы) (Л. Ельмслев), не имеющих соответствий в плане выражения. Эта идея привела к разработке основной методики анализа значения слова – компонентному анализу. *Компонентный анализ* показывает, что число существенных для общения сем в слове не велико и определяется их противопоставлением.

В семасиологии различают следующие типы сем: классемы – обобщенные семы, соответствующие значениям частей речи (предметность, признак, количество, действие и др.); архисемы – семы, объединяющие слова внутри части речи (одушевленность, мужской род, молодой и др.); дифференциальные семы – семы, по которым противопоставляются слова (например, для слов *равнина*, *плоскогогорье*, *низина* дифференциальной будет семой без видимых границ (*равнина*, *плоскогогорье*, *низменность*), с видимыми границами (*пла-*

то, низина), выше 200 м над уровнем моря (*плоскогорье, плато*), ниже 200 м (*низменность, низина*); интегральные семы объединяют значения (для указанных значений: участок земного рельефа с ровной или слабо волнистой поверхностью).

Описательные семы отражают свойства предмета (размер, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия и др.), относительные – связи объекта с другими объектами в разных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.); потенциальные, скрытые (для слова *профессор* путем эксперимента обнаружены семы *в очках, старый, строгий, умный*; в значении «студент» – *веселый, общительный*).

Обобщая некоторые важные изменения в трактовке понятий семантики слова и полисемии в целом, можно обобщить и представить следующие важные для нас положения:

1) слово более не считается контейнером для значения(-ий) языковых единиц, поскольку в процессе коммуникации коммуникант не передает информацию, т. е. не передает содержание, инкапсулированное в форме, поскольку в процессе коммуникации он выпускает форму знака (означающее), которое соединяется (или не соединяется) в знак в сознании воспринимающего сознания исходя из имеющегося тезауруса и сформированности концептов и, таким образом, знак соединяется – так происходит понимание;

2) значение конструируется в процессе общения в режиме онлайн в зависимости от многочисленных факторов, таких как прагматика коммуникативной ситуации, «среда» употребления языковых единиц и т.п.; при таком подходе понятие значения девальвируется и фактически приравнивается к понятию употребления;

3) если значение выстраивается в сознании говорящего/пишущего каждый раз заново, то языковые знаки являются своеобразными пусковыми механизмами (*triggers*) или «поводами» (*prompts*) для активизации и развертывания всей обширной системы мировоззрения коммуниканта с целью конструирования смыслов в данном контексте; тем самым значение каждый раз «совершается» [Выготский Л.С., 1982] в слове, выстраиваясь в процессе его актуализации в ряду других контекстных реализаций в сознании индивида как бы заново; это приводит, с одной стороны, к реабилитации прагматической составляющей значения (как было показано выше), а с другой – может повысить вероятность субъективной оценки происходящего носителем языка;

4) с развитием корпусной лингвистики, при которой в фокус внимания исследователей попадают частотность и совместная комбинаторика элементов, становится очевидным, что основной единицей анализа естественного языка может, помимо отдельного слова, явиться конструкция, которая имеет собственное значение;

5) значения связаны в общую сеть со многими выходами, представляя собой модульные, конструкции, сочлененные между собой по многим параметрам, например, со структурой многозначного слова, имеют синонимические, антонимические, омонимические аксоны, связаны со словами, которые им созвучны; помимо парадигматических связей, имеется синтагматическая комбинаторика;

6) когнитивный подход к осмыслению семантической структуры слова основывается на предположении о том, что каждое многозначное слово имеет более или менее постоянное смысловое ядро, независимое от контекста, являющееся необходимой основой актуализации отдельных значений и обеспечивающее семантическую целостность полисеманта, является стереотипом в рамках обыденного сознания, который создается у членов коллектива в результате единообразного членения действительности.

2. Семасиология: понятие и типы значений

Представим далее возможную семантическую типологию значений слова (от полной тождественности значений к полному семантическому различию):

1) тождественны форма и значение: это одно и то же слово (*снег – снег*);

2) тождественны формы, но есть небольшие различия в значениях, хотя общность значения сохраняется – многозначность (*a hand – рука и помощник*). При этом различают сужения и расширения первого значения (*камень – твердый кусок породы и ювелирное украшение* (сужение значения), метонимия (греч. *Metonymia* переименование) – перенос по смежности (*зал встал, чайник закипел*), метафора (греч. *metaphora* перенос, образ) перенос свойств по сходству (о человеке – *лиса, заяц, медведь*);

3) тождественны формы, но нет общих сем значения (омонимия): *ключ* – приспособление для открывания замка, источник воды, бьющий из-под земли;

4) тождественны значения, формы почти тождественны: морфологические или фонетические варианты слова (*лиса/лисица, ноль/нуль*); две различные формы несут значения, имеющие общую часть (синони-

мия): (*делить – расчленять*). Различают абсолютные синонимы: *языкознание/лингвистика, флексия/окончание*;

5) формы имеют общую часть, значения различны. Такие слова называются паронимами: *кампания/компания, аспирант/аспирант*;

б) разные формы выражают разные значения (разные слова): *трактор – рассвет*.

Запас слов среднего индивида составляет примерно 30 000 слов, корпус литературного языка русского языка 250 000 единиц, английского – 450 000, всех имеющихся слов с учетом специальных терминов – больше миллиона.

В процессе порождения высказывания важную роль играют акты номинации (поименование); при этом имеет место использование уже имеющихся в памяти слов, создание новых слов или заимствование из других языков.

Лексический запас любого языка содержит фонд первичной номинации (*небо, река, море, берёза, сестра*); такие слова возникли в далёком прошлом и не осознаются как производные, мотивированные, их происхождение могут быть раскрыты благодаря этимологическому анализу.

В случаях вторичной номинации, в отличие от первичной номинации (*небо, река, море*), мотивировка наименования (внутренняя форма слова) осознаётся носителями языка (*кукушка/куковать – звукоподражание ку-ку, жук от жужжать, мяукать, мычать и др.*). В инвентарь вторичной номинации входят фразеологизмы – устойчивые, воспроизводимые сочетания слов, равные по своему номинативному статусу отдельным словам.

Другая типология включает следующие лексические группировки:

– синонимический ряд (синонимы, объединенные вокруг одного главного члена – доминанты – *известный, популярный, знаменитый*);

– лексико-семантическая группа (ЛСГ) – большая группа слов одной части речи, объединенных – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах (*молоток, лопата, грабли, клещи, пила, отвертка – инструменты*);

– лексико-семантическое поле (ЛСП) – совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (*машина, троллейбус, корабль, такси, трамвай, поезд – средства транспорта*);

– лексико-фразеологическое поле (ЛФП) – ЛСП, в которое входят и фразеологизмы.

Фразеологические единицы – одна из универсалий языка. Их трактовка как «украшения языка» является устаревшей, так как это высокоинформативные единицы. Родоначальник теории фразеологизмов – шведский лингвист Шарль Балли. Он трактовал их как выражения, утратившие самостоятельное значение, причем все сочетание не равно сумме значений составных частей [Балли, 2003].

3. Лингвистическая типология. Специфика универсальной и специальной, общей и частной типологии

Лингвистическая типология – это сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков, независимо от характера генетических отношений между ними. Она базируется на исследованиях отдельных языков и тесно смыкается с общим языкознанием с использованием концепций по структуре и функциям языка.

В зависимости от предмета исследования различаются **функциональная** (социолингвистическая) и **структурная** типологии. Предмет функциональной типологии – язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления. Предмет структурной типологии – внутренняя организация языка как системы; при этом различаются **формальная** типология, ориентированная только на план выражения, и **контенсивная** типология, ориентированная на семантические категории языка и способы их выражения.

Типология языка и лингвистика универсалий – это две смежные области языкознания. Их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков в том случае, если эта близость не обусловлена родством языков. Любые сходства между двумя языками обусловлены одной из четырех причин: общее происхождение языков – генеалогический фактор (русск. золото, болг. злато, польск. Zloto); контакт языков – ареальный фактор; общие черты в строении языков и закономерностях коммуникации – типологический фактор и случайное совпадение. Легче всего выявляется типологическая закономерность – это сходство в неродственных языках, не обусловленное контактами (в литовском, шведском, китайском и т.д. ударение является тоническим (музыкальным); в некоторых языках есть дифтонги, аффрикаты, артикли).

Типологическая классификация языков как направление лингвистических исследований, возникло в начале 2-й четверти XIX в. первоначально в виде морфологической классификации языков и имело целью установить сходства и различия языков, которые коренятся в наиболее общих и важных свойствах языка и не зависят от их генетического родства. Изменчивость языковых типов во времени вплоть до полной смены языком его типовых черт (например, трансформация синтетического типа в аналитический) делает актуальной **историческую** типологию, изучающую принципы эволюции языковых типов.

В **морфологической** типологии различают синтетические и аналитические языки.

Со звуковой организацией языка коррелирует морфологическая организация, наиболее информативная и важная, согласно которой языки распределяются по следующим четырем классам:

1) изолирующие, или аморфные (китайский, большинство языков Юго-Восточной Азии). Для них характерны отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов;

2) агглютинативные (агглютинирующие) (agglutination – склеивание) (тюркские, алтайские языки, финноугорские, японский, корейский, грузинский). В агглютинативном слове границы между морфемами вполне отчетливы, при этом каждый аффикс имеет только одно значение. В зависимости от характера соединения морфем различают и фузионные языки (от лат. fusio – сплавнение), в которых границы между морфемами неотчетливы, иногда проходят внутри звука (например, в слове *стричь* в звуке [ч] слились последний звук корня стригу и первый согласный инфинитивного показателя -ти).

Агглютинативных яз. на земле значительно больше, чем фузионных;

3) инкорпорирующие, или полисинтетические (чукотско-камчатские, языки индейцев Северной Америки). Для них характерна возможность включения в состав глагола-сказуемого других членов предложения (термин «полисинтетический» обозначает языки, в которых глагол может согласовываться одновременно с несколькими членами предложения);

4) флективные языки (славянские, балтийские). Для них характерны полифункциональность грамматических морфем, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения. Многие языки занимают промежуточное положение

на шкале морфологической классификации, совмещая признаки разных типов (языки Океании – это аморфно-агглютинативные языки).

С точки зрения социолингвистической типологии не существует языков больших и малых, богатых и бедных. Аналитический строй не лучше и не хуже синтетического. Структурное разнообразие языков – это не более, чем разная техника, средства выражения любого содержания. Важным является установление мировых языков. Первым в XIV в. был португальский, затем в XVIII в. французский, с середины XIX в. английский. Межгосударственными языками, имеющими статус рабочих языков ООН, признаны английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский.

С магическим числом 7 ± 2 (объем оперативной памяти) соотносимы многие количественные параметры в организации языка – среднее по языкам мира количество частей речи, среднее количество членов предложения, средняя длина высказывания в устной речи, среднее количество слов в ЛСГ, средняя длина синонимического ряда, среднее количество морфем в словах.

Интересным примером широкой типологической закономерности служит обозначения зрачка. Во многих языках, в том числе в 20 далеких неиндоевропейских (китайском, коми, японском, иврите), обозначение зрачка восходит к словам *человек, женщина, девочка* (pupil – ученик, малолетний) (Ч. Тальявини).

Пример **фонетико-фонологической** типологии: из двух видов ассимиляций – прогрессивной (звук уподобляется левому соседу) и регрессивной (уподобление правому соседу: *ладно* [ланна]), чаще встречается регрессивное уподобление. Это связано с неосознанным стремлением говорящего опережать развертываемую речь.

К этой же типологии относится тот факт, что в языках мира гласных меньше, чем согласных. В максимально вокалических языках гласные редко превышает 50% от общего числа фонем, в то время как количество согласных в консонантных языках может достигать до 98%.

Примером предельно вокалического языка служит датский, в котором гласных больше, чем согласных (23 гласных и 20 согласных, т. е. 53,5%). К вокалическим языкам относятся также английский, немецкий, французский, причем французский имеет самый ослабленный консонантизм из всех романских языков. В класс консонантных языков входят большинство славянских языков, арабский, иврит и др. Так, в польском согласные составляют 87%, в русском – 82%.

По характеру ударения языки делятся на языки с тоническим ударением (ударный звук выделяется повышением или понижением тона) –

скандинавские, балтийские, сербский, хорватский и языки с динамическим (атоническим) ударением – романские, английский, немецкий, большинство славянских языков.

Среди типологических закономерностей в синтаксисе выделяется типология порядка слов. В языках со свободным порядком слов (славянские) используются все шесть возможных моделей расположения членов предложения – субъект, предикат, объект. В языках с фиксированным порядком слов преобладает какая-либо из 6 моделей (например, модель SVO в английском, вьетнамском, модель SOV – в японском, корейском).

Джозеф Гринберг ввел понятие количественных индексов: если на 100 слов (W) текста обнаруживается от 100 до 200 морфов (M), т. е. устанавливается индекс синтеза M/W больше 1 и меньше 2, то мы имеем дело с аналитическими языками, индекс синтетических аффиксальных языков от 2 до 3, полисинтетических выше 3. Так, вьетнамский характеризуется индексом синтеза 1,06, персидский – 1,52, английский – 1,68, англо-саксонский – 2,12, якутский – 2,17, русский – 2,33, суахили – 2,55, санскрит – 2,59, эскимосский – 3,72.

Лексическая типология связана с объемом словарного фонда. В бесписьменном языке или диалекте лексический минимум языкового коллектива примерно 10 тыс. слов. Источниками пополнения словаря служат морфемная и семантическая деривация, образование несвободных сочетаний, заимствования. В аналитических языках слова более многозначны, чем в синтетических. Так, в сфере нейтральной и официально-деловой лексики для русского языка продуктивны двусложные и устойчивые выражения, в то время как другие славянские языки используют однословные обозначения: железная дорога – чыгунка (белорусск.), книжный магазин – кнігарня.

Из заимствований быстро проникают кальки как результат буквального перевода (поморфемного, пословного с особенностями чужого управления). Они проникают незаметно, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости: ящик «телевизор» (box – каламбур less box, more book), челночный (shuttle). Препятствуют заимствованиям обособленное географическое положение, сильные националистические и изоляционистские настроения, приводящие к языковому пуризму.

4. Проблемы определения универсалий

Будучи глобальной по охвату языков, лингвистическая типология смыкается с **универсологией**, отличаясь от нее характером уста-

навливаемых закономерностей; для типологии существенны координаты времени и пространства, универсалии же всеобщие; это сущностные признаки, обнаруживаемые во всех или в большинстве языков мира. Эти признаки постулируются исследователем в виде гипотез, проверяемых на материале конкретных языков.

Становление в первой половине XIX в. сравнительно-исторического языкознания положило начало попыткам обнаружить различия между языками. Универсалии делятся на **дедуктивные** (обязательные во всех языках, в том числе и неизвестных исследователю) и **индуктивные** (зафиксированные в известных языках) (например, в каждом языке есть местоимения). Так, общенаучные представления из теории информации привели к выдвижению следующей дедуктивной универсалии: все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации: в аспекте плана выражения (буквы, фонемы) она составляет 60–70% (что и создает помехоустойчивость и надежность языков в передаче информации).

Количество индуктивных универсалий – несколько сотен: в любом языке большинство глаголов со значением *создавать* или *уничтожать* являются переходными глаголами.

Абсолютными универсалиями являются, например, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные; 4) если в данном языке существует различие по грамматическому роду, то в нем обязательно существует различие и по числу. Пример статистической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел (исключения: древний и современный яванский).

Есть универсалии **полные** (абсолютные), не имеющие исключений (во всех языках есть модальные значения [Вайнрайх, 1970]; в системе личных местоимений обязательно различение 1-го, 2-го и 3-го лица) и **статистические** (вероятностные) (так, почти во всех языках имеется не менее двух гласных фонем, исключения: язык аранта в Австралии, тонкава (индейский язык), абазинский (кавказская семья); в большинстве языков имеется носовой согласный, исключение: три языка салишской группы). Имеются **семиотические** универсалии, связанные со знаковым характером языка: язык передается путем обучения, а не по наследству; любой человеческий язык может быть выучен любым человеком.

Есть **речевые** и **языковые** универсалии: для разговорной речи (в отличие от письменной) характерны более быстрый темп, большая

употребительность структур, произносимых с повышением интонации. Есть **гендерные** универсалии: стилистически мужская речь более разнообразна и контрастна, чем женская: некоторые мужчины говорят и пишут предельно книжно – речь женщин не бывает настолько книжной. Однако женская речь не бывает и в такой мере стилистически снижена, так насыщена бранной экспрессией и вульгаризмами, как мужская в некоторых социальных слоях. Женская речь стилистически более однородна, нейтральна и нормативна. Женщины более чутки к речевой моде и чаще перенимают престижные варианты; в их речи чаще встречаются гиперкорректные варианты. Мужская речь (при сопоставимости условий общения) сложнее по синтаксису и более насыщена интеллектуально.

Для фонации мужчин характерен меньший раствор рта; их гласные менее отчетливы и прагматически менее выразительны, чем гласные в женской речи. Зато в речи мужчин более отчетливы и выразительны согласные. Для фонетики женской речи характерно более активное участие губ. Максимально высотный голосовой диапазон присущ женским голосам Дальнего Востока, для голосов европейских женщин характерен средний или низкий высотный диапазон. Средняя высота мужских голосов снижается по языкам в таком направлении: романские, русский, немецкий.

Имеются универсалии детской речи: передние согласные (губные и переднеязычные) появляются раньше, чем средне- и заднеязычные; личные местоимения появляются позже частотных знаменательных слов.

К универсалиям относится **антропоморфность** языковой картины мира. Например, распространение в разных языках зооморфных символов: змея – символ мудрости или коварства, волк – свирепости, ягненок – кротости, пчела и муравьи – трудолюбия и т.д.

Имеются **фонетико-фонологические** универсалии: количество фонем в языках мира располагается в интервале от 10 до 81. «Фонологический минимум» – 10 фонем отмечен в индейском языке бассейна Амазонки, 81 фонема в одном из говоров абхазского языка. Среднее количество фонем – 40–50.

Морфологические универсалии: в языках мира самой частой из именных категорий является категория числа; самой частой из глагольных категорий является категория времени.

Грамматические универсалии: если в языке имеется дифференциация по наклонениям, то в нём есть изъявительное наклонение.

Синтаксические универсалии: в любом языке имеются союзы.

Семантические универсалии: закон Ципфа, согласно которому частота слова в тексте известной длины определяется в зависимости от частотности слова. Так, 10 самых частых слов образуют 20% любого текста, 50 слов соответственно 30–40%, 1000 слов – 70%, 2000 частотных слов – 80–85% текста.

Языки, связанные отношением родства, образуют языковые семьи, а внутри семей – группы и подгруппы. Современная компаративистика выделяет примерно 20 языковых семей. Чарлз Хоккетт [Hockett, 1960] указывает 16 признаков, по которым человеческий язык отличается от систем животных: построение ложных или бессмысленных сообщений; построение сообщения о самом сообщении; способность человека легко овладеть другим языком. Можно добавить способность человека к саморефлексии и к выражению ряда чисто человеческих состояний (конечно, выраженных в языке), например, чувство стыда.

**§6. ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТА. ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА
МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В ЯЗЫКОВОМ ЛЕКСИКОНЕ.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА
МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА *KEY***

1. Типология семантической общности значений полисеманта

Общее значение. В последние годы неожиданно получила подкрепление критикуемая в 1980–1990-е гг. «списочная теория» представленности слов в лексиконе (*sense enumeration lexicon hypothesis*), в соответствии с которой различные значения одного слова хранятся в ментальном лексиконе в виде простого перечня. В результате проведенных пяти экспериментов психолингвисты [Foraker, Murphy 2012; Klein, Murphy 2001] установили, что процесс декодирования многозначных лексем сводится к выбору значений из списка репрезентаций, ассоциируемых с данным словом. При этом неважно, имеют ли значения какие-либо общие компоненты. Их эксперименты показали, что не существует четкой границы между полисемией и омонимией, так как, несмотря на отсутствие общей составляющей в содержательном плане, разница в хранении и обработке этой лексической информации не имеет серьезного значения, и с одной формой ассоциируются все известные носителю языка значения. Это подтверждается тем, что время, затрачиваемое на определение необходимого значения, примерно одинаково как внутри структуры полисемантов, так и у омонимичных вариантов [Klein, Murphy, 2001, с. 266–276].

В пользу хранения значений полисемантов как омонимов указывают результаты экспериментов (S. Foraker, G.L. Klein, K. Murphy), проводимых с носителями английского языка. Согласно их данным, правильный выбор между значениями омонимов, с одной стороны, и внутри полисемантических структур – с другой, по времени почти не отличаются.

Оптимистичным, однако, выглядит тот факт, что согласно их данным, многозначное слово быстрее опознается носителями языка, чем однозначное, т. е. значения в структуре полисеманта «высвечивают» друг друга, в то время как однозначная лексема не имеет такой возможности. Как следует из комментариев авторов, одни значения в процессе отбора ускоряли выбор последующих, а какие-то, наоборот, тормозили. Но если значения «высвечивают друг друга» или

вливают друг на друга, можно ли безоговорочно принимать «списочную теорию» и утверждать, что ЛСВ (лексико-семантические варианты) не связаны в языковом сознании? Не вызывает сомнения, что значения, отличающиеся между собой только по одному компоненту (как огромное число синонимов или метафор одного слова), должны быть семантически связаны.

На наш взгляд, «списочная теория» все же не может дать ответа на вопрос о том, как происходит селекция значений в процессе коммуникации, если предстоит выбор из нескольких десятков, а то и сотен значений. Наши экспериментальные данные показывают, что опрашиваемые не могут вспомнить и воспроизвести даже половины из имеющихся значений полисемантов, которые зафиксированы в корпусах и словарях [Песина, 2005; 2004; 2016]. Информантам предлагались не специфические малоизвестные термины, а хорошо известные и частотные значения (метафоры полисемантов лексико-семантической группы «растения»: *лист, корень, зерно, дерево* и т.д.) [Песина, Зимарева, Баклыкова, 2019]. Полученные результаты вполне ожидаемы и мы, по всей видимости, не храним слова в виде списков или складов, так как существуют более эффективные формы представления значений: в виде семантических сетей, фреймов, модулей, логических моделей и др. Иными словами, структурно-семантическое единство слова определяется многими факторами, представляя собой гибкую систему со многими выходами.

Предлагаемая здесь инвариантно-кластерная гипотеза – это только одна из возможных гипотез. В основе инвариантной теории лежит тезис о том, что у полисеманта со временем формируется семантическое ядро (его семантическая формула), которое как бы «прикладывается» индивидом к объектам окружающей действительности, обеспечивая эффективный семиозис. Это содержательное ядро носит динамический характер, и в зависимости от контекстных употреблений оно со временем трансформируется [Песина, 1998; 2006; 2003; Pesina, Solonchak, 2014].

Представленные данные в пользу списочной теории хранения слов вступают в противоречие с результатами многолетних исследований в области «семантической общности» многозначных слов, проводившиеся учеными с конца XIX – начала XX вв., и получивших название «общее значение». Позже в рамках когнитивной лингвистики для описания семантической общности внутри семантической структуры слова будет использоваться другой терминологический аппарат – «содержательное ядро», «семантический центр», «инвариант» и др.

В настоящее время предпринимаются попытки многоуровневого описания семантики многозначных слов (хотя исследования по выявлению семантической общности полисемантов нельзя назвать многочисленными). Так, исследованием важнейших компонентов лексико-семантической информации, метаязыками описания семантики слов и вопросами полноты семантического описания занимается И.М. Кобозева [Кобозева, 2016]. Имеются исследования о множественности уровней абстракции, на которых может быть описана структура значений: одни и те же смыслы в слове могут выступать в качестве отдельных значений и при этом являться вариантами единого, более обобщенного значения [Тур, 2020].

Сторонники семантической интеграции значений многозначных слов (Ш. Балли [Балли, 1955], Р. Якобсон [Jakobson, 1936], С.А. Смирницкий [Смирницкий, 1954], Л. Палмер [Палмер 1982], Ю.Н. Тынянов [Тынянов, 1965], Л.А. Новиков [Новиков, 2001], Е.Г. Беляевская [Беляевская, 1987], Ю.Н. Караулов [Караулов, 1976], I.L. Falcum, A. Vicente [Falcum, Vicente, 2015], В.В. Тур [Тур, 2020] и др.) выделяли центральный основной смысл, вокруг которого, предположительно, группировались остальные созначения. Вопрос заключался в том, что именно представлял собой этот основной смысл: называлось наиболее употребительное значение многозначного слова либо его главное значение, либо какой-то один признак. Чаще всего основной смысл назывался «общее значение» (ОЗ).

Поскольку имеются, по крайней мере, два взаимоисключающих мнения относительно «решения проблемы многозначности», то имеет смысл разобраться в проблеме функционирования многозначного слова в лексиконе. В самом деле, важность данного вопроса трудно переоценить, и нам понадобится взгляд на эту проблему со стороны смежных наук.

Явным сторонником семантической интегрированности полисемантов был Р. Якобсон, который уравнивал ОЗ с первым значением и противопоставлял его переносным [Jakobson, 1936]. Ш. Балли писал о *виртуальном* понятии, определяемом ограниченным числом признаков по сравнению с *реальным*, которое представляется индивидуализированным и содержит «бесчисленное множество таких черт, которые не мог бы исчерпать никакой практический опыт» [Балли, 1955, с. 87–88].

Выдающиеся отечественные лингвисты указывали на то, что единство слова организуется его лексико-семантическим стержнем. Если в данных глоссах «мы не находим такого “стержня” <...> в таком

случае мы получаем омонимы» [Смирницкий, 1954, с. 23]. Эти же идеи подкреплялись Ю.Н. Тыняновым на материале поэтического жанра. Он писал о лексическом единстве слова и реализации в одном значении слова нескольких обертонов смысла [Тынянов, 1965].

ОЗ постулировалось в полной и частичной форме. К числу приверженцев первой точки зрения относится В.А. Звегинцев, который считает, что «через случайное нагромождение значений всегда пробивается единая смысловая линия». Ю.Д. Апресян, сторонник мягкой формы постулирования общего значения, указывает на возможность выделения общего значения только в условиях радиальной полисемии, когда значения находятся в отношениях непосредственной семантической производности [Апресян, 1995, с. 70–77, Звегинцев, 1957].

Противники функционирования ОЗ в лексиконе трактовали значения полисемантов как отдельные слова, сводя их к речевым реализациям. Так, используя термин «однозвучность» вместо «полисемия» и «омонимия», Е. Курилович полагал, что ОЗ – «это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия основано на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно – коммуникативного содержания и аффективных (стилистических) оттенков» [Курилович, 1962, с. 246].

К большому сожалению для сторонников ОЗ слова, как и для лингвистики в целом, оно так и не получило надежного обоснования: не была раскрыта до конца его природа (во всяком случае, не было консенсуса по поводу его сущности), не был достаточно убедительно определен уровень его функционирования, не был предложен четкий алгоритм его определения. Если какие-либо компоненты и выбирались в качестве общих для структуры того или иного слова, то не было представлено обоснование причин выбора.

Немногочисленные попытки определения ОЗ любопытны, но, к сожалению, мало убедительны. Так, В.А. Звегинцев определяет ОЗ английского субстантива *hand* (рука) (более двух десятков переносных значений) как *орган человека, осуществляющий деятельность, связь с определенным лицом* [Звегинцев, 1957, с. 158]. Не совсем понятна причина выбора данных компонентов в качестве общих для всех имеющих ЛСВ, и как именно они проявляются в каждом из значений: подобное ОЗ одинаково приемлемо для покрытия семантики слов *leg* (нога), *arm* (рука от запястья) и *head* (голова).

Другая попытка продемонстрировать связь между значениями полисемантов базируется на доминантности первого значения. Так, сравнивая главное значение субстантива «ключ» (металлическое приспособление для отпираания замка) и одну из его метафор (средство, возможность для разгадки), Д.Н. Шмелев указывает, что последнее непосредственно развивает существенный элемент исходного значения, т. е. это то, при помощи чего можно отпирать. При этом слово как бы «освобождается от конкретных признаков, сохраняя лишь основной признак функционального назначения предмета» [Шмелев, 1973: 90]. Это наблюдение верно в том плане, что ОЗ, действительно, должно содержать признаки не конкретного, общего абстрактного характера. И, тем не менее, первое значение не покрывает семантики остальных ЛСВ, таких как «ключ, бьющий из земли», «скрипичный ключ», «ключ к успеху» и др.

Нерешенной оставалась проблема семантической общности субстантива *key* и для Ф.Р. Палмера, постулирующего чрезвычайную трудность таких исследований. Так, автор не смог определить общие признаки у ЛСВ «ключ для открывания двери» и «ключ нотного стана» [Палмер, 1982, с. 48]. Именно этот полисемант демонстрирует факт взаимодействия в его значениях двух ментальных пространств – системного инвариантного значения и значений, функционирующих в речевом контексте. Английское многозначное слово содержит порядка двух десятков метафор, в том числе таких, как *key of an arch* (главный кирпич арки), *a piano key* (клавиша пианино), *a key zone in basket ball* (зона штрафного броска в баскетболе) и т.п. Подобные «далекие» от номинативно-непроизводного значения ЛСВ усложняют задачу определения семантической близости всех значений, но тем интереснее задача. Сказанное доказывает, что это слово не является классическим примером омонимии, каким его часто представляют в учебниках и в словаре омонимов.

Можно далее привести попытку Л.А. Новикова установления ОЗ слова «земля»: «третья от Солнца планета, рассматриваемая в определенном количественном и качественном отношении во всем, что относится к ней» [Новиков, 2001, с. 545]. Однако вряд ли мы думаем о земле, лежащей у нас под ногами или даже о Земле как о планете именно как о «третьей от Солнца планете». В другом его примере общее значение также отождествляется с понятием: в полисеманте «вода» ОЗ сформулировано как *признак H₂O*. Непонятно, как данное ОЗ воплощается в ЛСВ «пустые бессодержательные фразы». В подобных дефинициях ОЗ не является в полной мере общим, поскольку

оно не отражает семантику метафорических значений, входящих в структуру слова. Не учитывается и факт функционирования слова на уровне среднего носителя языка.

Попытка А.А. Уфимцевой выявить «семантическую нить», объединяющую значения полисеманта *земля*, выглядит, на наш взгляд, более плодотворной: *характеристика земли со стороны ее пространственной протяженности* [Уфимцева, 1962, с. 113]. Три семантических центра – *земельное держание, страна* и *суша* – оправдывают функционирование в рамках структуры этого слова абстракций, типа «пуп или соль земли».

Е.Г. Беляевская представляет семантический центр английского глагола *jump* как *движение прыжком и преодоление препятствия*, причем препятствием может быть как часть текста (*to jump a paragraph*), так и очередь за чем-либо (*to jump the queue*) [Беляевская, 1987, с. 87–89]. Ю.Н. Караулов считает, что существование общих значений напрямую зависит от силы внутренних связей между значениями [Караулов, 1976, с. 131].

В настоящее время исследователи уходят от неудачного термина «общее значение». Однако инвариантные теории также подвергаются критике относительно того факта, что все контекстуальное многообразие значений невозможно свести воедино. Но, во-первых, это дело хорошего аналитического метода и кропотливой работы. В этой связи можно отметить попытки структурирования значений, предпринимаемые Оксфордским словарем английского языка; во-вторых, инвариант не должен во всем объеме быть представленным в каждом значении, он призван в целом «покрывать» семантику слова; в-третьих, речь ведь идет о «покрытии» значений, а не контекстуальных реализаций или смыслов, которые в принципе трудно исчерпать. Еще Л.С. Выготский писал о том, что смысл слова всегда оказывается динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из этих зон «и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [Выготский, 1997, с. 87].

В качестве резюме по данному вопросу можно констатировать, что, несмотря на большой интерес к самому феномену ОЗ, мы имеем незначительный объем практического материала, служащего доказательством функционирования данного феномена. Сторонниками ОЗ не были прояснены его функции и действительный охват.

В табл. 2 отражена терминология, используемая лингвистами в исследованиях по целостности структуры слова.

Таблица 2

Типология семантической общности значений полисемантов

№ п/п	Название семантической общности значений полисеманта	Представители семантических школ
1	Общее значение	К. Бальдингер, Ф.А. Литвин, Ю.Н. Караулов
2	Виртуальное понятие	Ш. Балли
3	Первое значение	Р. Якобсон
4	Лексико-семантический стержень	В.В. Виноградов
5	Семантический стержень	А.И. Смирницкий
6	Центральный основной смысл или стержневое значение	Р.А. Будагов
7	Инвариант смысла, общее значение	Л.А. Новиков
8	Семантический центр	А.А. Уфимцева, Е.Г. Беляевская
9	Общий признак	В.А. Звегинцев
10	Несколько общих признаков	Э.В. Кузнецова
11	Осциллирование значений	Ю.Н. Тынянов
12	Палимпсестное наложение одних образных представлений на другие	Б.М. Гаспаров
13	Ассоциативные/репрезентативные признаки основного значения	Д.Н. Шмелев
14	Центральное/ядерное значение	Р.Ф. Пальмер
15	Инвариант	Ю.Д. Апресян, Н.В. Перцов, Б. Норман
16	Лексический прототип	И.К. Архипов, С.А. Песина
17	Лексический инвариант, лексический инвариантный кластер	С.А. Песина

2. Функционирование лексического инварианта многозначного слова в языковом лексиконе

Исследования в области содержательного ядра многозначного слова объясняется, в том числе, тем, что исследователи интуитивно чувствуют, что такой конструкт способствует успешной коммуникации, позволяя оперировать инвариантами вместо внутреннего сканирования содержащихся в лексиконе значений.

Предложенное нами в качестве содержательного ядра многозначного слова понятие «**лексический инвариант**» (ЛИ) не приравнено к первому значению и не объясняет всех без исключения переносных значений (например, метонимия или фразеологизмы успешно и напрямую объясняются через первые значения). Мы понимаем ЛИ как *абстрактную языковую сущность, кластер семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда значений полисеманта в соответствии с интуицией среднего носителя языка* [Pesina, Yusupova, 2015]. ЛИ противопоставлен термину «вариант», который функционирует на речевом уровне как контекстная реализация инварианта. Данное противопоставление встроено в дихотомию «язык–речь».

Попадая в речевой контекст, он воплощается в один из своих комбинаторных вариантов. ЛИ включает наиболее значимые интегральные и дифференциальные семантические компоненты и формируется на уровне системы языка посредством многочисленных контекстуальных реализаций ЛСВ (в частности, метафорических). Он выводится из внутреннего «интуитивного созерцания» с использованием соответствующих врожденных и характерных только для человека алгоритмов мозга, передавая суть и очерчивая границы смысловой структуры слова [Solonchak, Pesina, 2015]. На лингвистическом уровне мы имеем дело с пучком или кластером семантических компонентов, а на психолингвистическом уровне – это модель функционирования слов в лексиконе. Такая инвариантная модель, предположительно, имеет врожденный характер, так как это связано с привычкой обобщать семантику слова (наряду с категоризацией и концептуализацией).

Умение успешно распознавать переносные контекстуальные значения в значительной степени необходимо, например, для компьютерной и прикладной лингвистики, где определение инвариантных ядер послужило бы устранению проблем с переводом метафор. Так, лингвисты могли бы предоставить результаты своих исследований по ана-

лизу многозначных структур с предоставлением конкретных инвариантных признаков слов, на которые будут ориентированы составители программного обеспечения компьютерных переводчиков.

Интересно отметить, что гипотеза аналогии между семантической и нейронной сетями находит подтверждение у нейролингвистов и нейробиологов. Существует теория о том, что в мозге человека функционируют нейроны, чувствительные к определенным семантическим свойствам и принимающие участие в формировании более чем одной семантической сети [Hodges & Patterson, 1997]. Ряд нейробиологов полагает, что в теменной зрительной коре мозга существует большое число высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует на единственный компонент воспринимаемого предмета [Holmes, Horrax, 1919; Brain, 1941; Lurija, 1973; Hecaen, 1969; и др.]. Эти данные свидетельствуют, как минимум, в пользу семантической связи между отдельными значениями слова.

Когнитивный психолог Э. Трейсман в своей теории интеграции признаков утверждает, что изначально при анализе зрительного поля мозг опирается на отдельные признаки, а не на сочетания признаков. Анализ признаков и частей предвосхищает их синтез, который осуществляется автоматически. Такие тривиальные признаки, как цвет, форма, ориентация обрабатываются автоматически одновременно с поиском существенной для различения информации [Treisman, Gelade, 1980].

Н.Н. Болдырев, полагает, что концептуальная система человека предстает в виде сложной многоуровневой системы связей (причинно-следственные, ассоциативные, иерархические), которые позволяют не только быстро ориентироваться в окружающей среде, адаптироваться к ней, но и нормально развиваться [Болдырев, 2019]. Подобная структура выступает в качестве когнитивной схемы дальнейшего восприятия и осмысления мира, так как в ходе ее формирования в ней формируется набор определенных когнитивных доминант, которые выступают своего рода призмами восприятия.

3. Определение лексического инварианта многозначного слова *key*

В качестве иллюстрации функционирования предложенной модели лексического инварианта представим эмпирический инвариантно-компонентный анализ многозначного английского слова *key*. Эмпирический компонентно-инвариантный анализ по определению инвариантных кла-

стеров многозначных слов предполагает учет, помимо первого значения, остальных имеющихся переносных значений слова. В процессе анализа «выносятся за скобки» все признаки тривиального характера, редуцированные до чистой абстракции. Это дает знание не только о том, что представляет собой значение в чистом виде, но и позволяет получить семантическую «формулу» всего слова. Цель толкований – показать, к какой эмпирической области относится переосмысление. Таким образом, лексический инвариант может быть получен посредством реконструкции процессов семиозиса на основе компонентного анализа словарных дефиниций с учетом когнитивных образов [Pesina, 2011; 2014; Pesina, Yusupova, 2015; Pesina, Kiseleva, Trofimova 2021].

Итак, первое номинативно-непроизводное значение этого слова в переводе с английского выглядит как «предмет из металла, имеющий специфическую форму, используемый для открытия или закрытия замка». Представим полученные в ходе анализа результаты в форме табл. 3 (в рамках данного пособия может быть представлена только часть анализа).

Таблица 3

**Метафорические значения полисеманта *key*
и их семантические компоненты**

Метафорические значения	Основание для переноса	Семантические компоненты, лежащие в основе <i>key</i>
<i>Key of a maple, ash-key (key fruit)</i> [LDCE]	Разновидности семян клена и ясеня по форме напоминают ключ (уподобление по внешнему виду на основе когнитивного образа)	<i>A seed of a tree, small, elongated, rounded at one end, with a wing-like extension</i>
<i>Key (as a pin/bolt/wedge, etc.)</i> [LDCE]	Когнитивный образ: шплинт, клин, шпонка и т.п. используются для скрепления деталей, поскольку они точно (как и ключ) входят по размеру в нужное отверстие (перенос по функции)	<i>A detail (pin/ bolt/ wedge, etc.), small, thin, stiff, elongated, made of metal/wood, fitting into hole, locks parts together, preventing from moving</i>

Продолжение табл. 3

Метафорические значения	Основание для переноса	Семантические компоненты, лежащие в основе key
<i>Key of a valve/ clock winding mechanism, etc.</i> [LDCE]	Уподобление по функции: значение номинирует часовой механизм, клапан и т.п., которые, являются основными приводящими частями приборов подобно ключу, поворот которого обеспечивает доступ в помещение	<i>Part of a valve, winding mechanism, movable, initiates work</i>
<i>Key (as a passphrase)</i> [LDCE]	Подобно ключу, дающему доступ в помещение, пароль (де)кодирует важную информацию от посторонних (уподобление по функции)	<i>A piece of information, important, secret, providing or preventing access, enables to encode/decode information</i>
<i>Key – a sign, colour etc.</i> [LDCE]	Уподобление по функции: подобно тому, как без ключа невозможно открыть замок, так и без списка используемых символов, включающих значки, цвета и т.п., невозможно понять карту или рисунок (легенда к карте поясняет смысл используемых символов)	<i>A list of signs, used in a map/drawing, of primary importance, enables to encode/decode information, providing explanation</i>
<i>Key to the success (One key to the store's success has been consistent customer service)</i> [LDCE]	Уподобление по функции: в той степени в какой <i>key</i> (1) является вербализатором когнитивного образа отпирания замка и тем самым символом того, что приводит к цели, в той же степени, и какое-либо событие/условие является главным фактором успеха	<i>A factor, determining, in accomplishing or achieving something, providing access, initiating success</i>

Метафорические значения	Основание для переноса	Семантические компоненты, лежащие в основе key
<i>Keystone in an arch</i> [WTHID]	Верхний камень/кирпич арки придает устойчивость всей конструкции, подобно ключу, плотно входящему в замочную скважину (сравнение по функции)	<i>A stone/brick, stiff, elongated, fitting into hole, joints parts together, preventing from moving</i>
<i>Key – characteristic style or tone; the tone or pitch of a voice</i> [WTHID]	Подобно тому как <i>key (1)</i> служит вербализатором когнитивного образа важнейшего инструмента отпирания/запирания замка, характерный стиль или тон голоса является важнейшей его характеристикой (перенос по функции)	<i>Characteristic style or tone/ pitch of a voice, important</i>

Исходя из базового доминантного инвариантного компонента все значения можно разделить на пять кластеров:

- something of primary importance, that prevents from moving (e. g. keystone in an arch);
- something of primary importance, that initiates functioning (e. g. key of a valve/ clock winding mechanism);
- something of primary importance, that provides explanation / getting information (e. g. keys – signs, colours);
- something of primary importance, that provides explanation / understanding (e.g. the key to a riddle);
- something of primary importance, that provides access to something (to the success, to a riddle, to a good voice).

В результате анализа 19 значений полисеманта *key* можно выявить инвариантные компоненты, скрепляющие семантику всего слова: ***something of primary importance that can resemble a key in shape or function: can initiate functioning, provide or prevent from / movement / explanation / getting information / understanding / access to something.***

Анализ показывает, что у инвариантного компонента *something of primary importance* статус extra strong (очень сильный), весь лексиче-

ский инвариант имеет подвижный характер, что означает, что не все признаки будут одновременно актуализироваться в том или ином значении. В зависимости от контекстной ситуации активизируется соответствующий кластер признаков, в то время как остальные уходят на задний план, не участвуя в семиозисе [Kostina, Zerkina, Pesina, 2015]. Совмещение в нашем исследовании кластерного инвариантного и компонентного анализов позволяет работать со словами с развитой семантической структурой и большим количеством семантических признаков.

Определения содержательного ядра этого полисеманта служат доказательством того, что представленные значения входят в структуру одного слова «ключ», не являясь классическим примером омонимии.

Представим далее некоторые выводы, следующие из выдвинутой гипотезы о функционировании ЛИ:

– структура кластера является гибкой и открытой системой, способной развиваться за счет формирования новой конфигурации признаков: сочетания инвариантных компонентов с неинвариантными (контекстуальными, субъективными);

– учет такого конструкта, как ЛИ, объединяющего значения многозначного слова, объясняет эффективную коммуникацию в соответствии с экономным характером языка (без обращения со значениями как с кирпичиками на складе – *нашел, взял, вернул*);

– семантические компоненты тесно связаны между собой, и если возникает ситуация непонимания речевого контекста, то при необходимости происходит «извлечение» всей сети признаков; это свидетельствует как о компактном характере компонентов, так и об экономном устройстве и функционировании структур многозначных лексем в целом;

– к наиболее частотным семантическим компонентам типа *important, upper, lower, big, small, large* (*важный, верхний, нижний, большой, маленький, большой* и т.п.), осуществляется более быстрый доступ, т. е. ведут прочные семантические (синоптические) связи.

Семантическая структура слова, представляющая сеть, – это гибкое образование, которое легко подстраивается под нужды говорящего. Инвариантные компоненты значения, соединяясь с идентифицирующими и субъективными образуют контекстуальное значение или смысл [Песина, Зимарева, 2017; Песина, Вторушина, 2016; Песина, Дружинин, 2016]. То есть, несмотря на многочисленные вариации содержания индивидуальных смыслов у разных индивидов, в первую очередь, благодаря доминантным компонентам ЛИ, осуществляется

понимание общего смысла фразы и предложения. Причем значение не всегда представлено в лексиконе семантически, это может быть образ, представление, абрис, чувство, связанные с конкретным значением (УПК в понимании Н.И. Жинкина).

И действительно, в условиях коммуникативного цейтнота не все соединения признаков осознаются, так как скорость обработки лексического материала, как правило, достаточно высока. Поэтому для «схватывания» контекстуального значения иногда достаточно одного или несколько общих (инвариантных) признаков [Pesina, Solonchak, 2015]. И только в случае, если понимание не наступило, активируются остальные компоненты, в том числе по необходимости и субъективные (сами словарные дефиниции зачастую разнятся от словаря к словарю).

Значения, таким образом, представляют собой сочетание доминантных и периферийных семантических компонентов, которые в той или иной последовательности формируют представление об объекте. Поэтому в процессе формирования значений, помимо необходимости иметь «банк значений», у индивида есть необходимость осуществлять «быструю сборку» значений из имеющегося материала (семантических компонентов), что мы называем «уметь думать, анализировать», а Л.С. Выготский характеризовал как «слово совершается в речи» [Выготский, 1997].

Еще одним очевидным преимуществом функционирования ЛИ как «организатора» семантической сети является характеристика последней как открытой системы, способной достраивать неограниченное число связей (например, английское слово *head* «голова», имея 100 значений (см. анализ в [Pesina, 2020]), стремится к широкозначности и наряду со словами *thing*, *essence* и др. увеличивает свой семантический объем). При этом для сохранения семантических границ слова количество новых значений должно оставаться в пределах основных инвариантных признаков.

В связи с вышесказанным можно привести высказывание Дж. Тейлор, который в контексте теории Р. Ленэкера о разноуровневой представленности семантики многозначного слова отмечает: «представляется вполне вероятным, что носитель языка может одновременно хранить в памяти и набор конкретных употреблений слова, и более абстрактные репрезентации, общие для этих употреблений. В самом деле, нет никаких изначальных причин, по которым носитель языка не мог бы хранить в памяти значения разных уровней абстракции» [Taylor, 1995: 283].

Итак, представленный инвариантно-кластерный анализ выявил многоуровневую структуру значений слова *key*: определены ключевые признаки, лежащие в основе каждого переносного ЛСВ полисеманта, формирующие его глубинную семантическую сеть. Далее значения сгруппированы в кластеры на основе общих инвариантных признаков. Наконец, суперординатный уровень представлен лексическим инвариантом, охватывающим семантику всего многозначного слова.

Становление лексического инварианта осуществляется в процессе обобщения метафорических признаков и абстрагирования от конкретных контекстуальных смыслов по линии схематизации переносных значений. Возникает новая когнитивная модель, идеальный конструкт, который носит абстрактный характер.

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что сохранение семантической целостности структуры слова и процесс формирования новых значений происходят с участием инвариантных семантических компонентов. На глубинном уровне, соединяясь с лексическими инвариантами, компоненты образуют контекстные значения и индивидуальные смыслы. Лексический инвариант, формирующийся в результате многократного использования имеющихся метафорических кластеров значений, позволяет носителю языка эффективно ориентироваться в окружающей среде в коммуникативном действии, так как для «схватывания» контекстуального значения иногда достаточно одного или несколько общих (инвариантных) признаков [Юсупова, Песина, 2016, 2019; Песина, Юсупова, 2013].

Представление семантической структуры в виде семантической сети значений и компонентов, связанных между собой инвариантно, имеет ряд значительных преимуществ перед «списочной теорией» и может существенно дополнить теорию общего значения. Определение лексических кластеров может быть полезным в дидактических целях при определении внутренней формы значений многозначных лексем, а лексические инварианты целесообразно использовать при составлении учебных словарей в качестве содержания лексем.

§7. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ. ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ. НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

1. Прикладная лингвистика

Прикладная лингвистика – это направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Издавна это было письмо, методика обучения языкам, лексикография, позднее появились перевод, дешифровка, орфография, терминоведение. В конце XX в. началась автоматическая обработка письменного и устного языка, автоматизированные обучающие системы (АОС) – аудиовизуальные средства организации коммуникативности обучения, включающие собственно обучение, тренировку, контроль, оценку. Возможно ведение диалога, для чего необходим приближающийся к естественному язык. Сейчас ведутся исследования в области искусственного интеллекта и нейросетей.

Компьютеризация обучения – одна из современных тенденций в образовании. Так, автоматизированное дистанционное обучение повышает эффективность воздействий благодаря сокращению затрат труда на рутинные операции, связанные с образовательным процессом.

Методика обучения языку опирается на лингвистические и психологические концепции о роли языка в социальном развитии, о связи языка и сознания, речи и мышления. Она содержит ответы на три главных вопроса: 1) о содержании обучения (чему учить?); 2) о целях обучения (для чего учить?); 3) о методах и приемах обучения (как учить?).

Главные стратегические направления в развитии речевых технологий включают: создание человеко-машинных интерфейсов с устным вводом/выводом информации; речевое управление компьютером в экстремальных, опасных для человека условиях; организация голосовой информационно-справочной службы на транспорте, в медицине, банках; разработка компьютерных систем помощи инвалидам; фонетические тренажеры при обучении иностранному языку.

Лексикография – это раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей: способами организации словарной статьи, устройством словарей и технологией их создания. Национальные проекты словарей тесно связаны с государственной языковой политикой. Специальные программы позволяют в автома-

тическом режиме формировать словарные статьи, хранить и обрабатывать словарную информацию. Появилась возможность создания перекрёстных ссылок гипертекстового типа, обратимость переводного словаря.

Особое место занимает **машинный перевод**. Сама наука о переводе междисциплинарна, так как заимствует идеи не только из лингвистики, но и из литературоведения, когнитивных наук, культурной антропологии. Прикладной аспект теории перевода связан с выявлением проблем несоответствия между грамматическими и лексическими системами различных языков и с различиями в прагматическом аспекте.

Теория машинного перевода может быть создана только с учетом теории перевода, прикладной лингвистики, когнитологии.

Предмет так называемой **политической лингвистики** – языковая идентификация участников политического дискурса: «дискурс Рейгана», «дискурс Горбачева», «тоталитарный дискурс», «парламентский дискурс».

В компетенцию **судебной лингвистики** входит анализ текстов на наличие оскорблений, экстремистских высказываний, различного рода подстрекательства, мошенничества и т.п. Проводится слуховой, акустический и лингвистический анализ речи в целях идентификации говорящего.

В настоящее время принято говорить о двух типах моделей языка (моделирование – исследование явления путем построения моделей): модель, воспроизводящую языковую и речевую деятельность.

Первый тип – это модели, воспроизводящие тот или иной тип речевой деятельности: понимания (анализа) текста, порождения речевых произведений (синтеза), автоматического перевода; обучающие модели языка; интеллектуальные системы разных типов, использующие диалог на естественном языке, и т.д. Второй тип моделей – модели собственно языкового механизма, которые воспроизводят языковые закономерности понимания и построения речевых произведений.

Моделирование языковых уровней: анализ артикуляторных характеристик речевого производства при лечении больных с нарушением речи; исследование процессов восприятия речевых сообщений для автоматического распознавания и синтеза речи, устранение диалектных и просторечных явлений, а постановка сценического произношения. Сюда относится моделирование синтаксической структуры языка с целью распознавания синтаксической структуры предложения или отдельных его частей. К настоящему времени накоплен большой

опыт в применении статистического метода для решения проблемы спорного авторства (атрибуции) текстов.

Лингвистическая дешифровка включает исследование исторических письмен и чтение тайнописи (криптограмм). Дешифровка предполагает чтение, перевод и анализ особенностей конкретного текста, записанного на неизвестном языке или неизвестной письменностью.

2. Лингвостатистические методы. Новые информационные технологии

Для того, чтобы использовать статистические методы в лингвистике, нужно знать, что статистика изучает варьирующий признак, а признак существует постольку, поскольку существует его градация. Так, в русском языке предложения могут быть разной длины. Значит, длина – варьирующий признак, а одно, два, три и т.д. слова в предложении – это градации признака «длина». Ударение – это тоже варьирующий признак в слове (для статистики ударение во французском языке – это не признак, так как есть только одна градация).

С точки зрения статистики лингвистические признаки могут быть количественными и качественными. Так, количественными могут быть длина предложения, измеренная в словах, буквах или любых других единицах, число морфем в слове, интенсивность звука и т.д., т. е. имеется сопоставление с какой-то мерой. Качественные признаки – это ударный и безударный гласные, активные и пассивные и др.

Пример статистической задачи: мы интересуемся предложениями с прямым порядком слов и хотим знать частоту таких предложений в речи. Необходимые данные просчитываются по определенным формулам, но предварительно решается вопрос о том, на каком массиве предложений искать эту частоту – включать ли сюда вопросительные и восклицательные предложения и т.п. Если нужно узнать среднюю длину слова в романе «Война и мир», можно по таблице случайных чисел выбрать страницы, которые войдут в выборку. При этом необходимо владение как лингвистической проблематикой, так и аппаратом математической статистики.

Прикладные модели в целом ориентированы на конкретные подязыки, а не весь язык в целом, они требуют большей степени формализации, используют знания о языке выборочно, они огрубляют моделируемый объект.

Одним из статистических методов является **стилеметрия** – измерение стилевых характеристик с целью систематизации и упорядочения

единиц текста. Она имеет дело с количественным классифицированием текста, созданного конкретным автором, в конкретное время, в конкретной ситуации. Прикладное стиховедение обслуживает литературоведческие, лингвистические задачи. Оно связано с изучением свойств отдельных произведений, творчества определенного автора, школы, литературной эпохи и т.д.

Лингвистические аспекты искусственного интеллекта

Искусственный интеллект – это условное обозначение компьютерных систем, моделирующих некоторые стороны интеллектуальной деятельности человека, его логическое, аналитическое мышление.

В 1950-х гг. был поставлен вопрос: можно ли научить машину мыслить или можно ли создать искусственный интеллект? Сложность этого вопроса связана с тем, что мы плохо представляем себе, что такое мышление и как человек мыслит. Не существует определения мышления, которое удовлетворило бы одновременно философов, психологов, инженеров и лингвистов.

Критерий интеллектуальности был предложен А. Тьюрингом (тест Тьюринга). Тест включает решение задач, принятие решений и распознавание образов. Решение задач предполагает от доказательства теорем высшей алгебры до определения, какой можно приготовить обед из имеющихся продуктов. Принятие решений рассматривается на материале стратегических игр, таких как шахматы, размещение оборудования по предприятиям и т.п. Распознавание образов предполагает классификацию и категоризацию объектов: предполагается, что в процессе мышления человек создает некие эталонные образцы объектов, с которыми сравнивается рассматриваемый объект.

Из широкого спектра задач по искусственному интеллекту важнейшей для прикладной лингвистики является проблема моделирования речевой деятельности человека и общения человека и машины. Для того, чтобы понять даже самый простой текст, нужно использовать большое количество знаний о мире. И если знания о языке можно изложить, то знания о мире потенциально бесконечны и с каждым днем расширяются.

Концепция **искусственного интеллекта**, разрабатываемая учеными во всем мире в течение более 70 лет, привела к тому, что в настоящее время данное направление больше сосредоточено на разработке технического оборудования и программного обеспечения, способного совершать обработку информации подобно человеческому мозгу. Однако создаваемое лингвистическое программное обеспечение пока не способно на адекватном уровне маневрировать смысловым содержа-

нием в плане распознавания фигур речи (метафор, метонимий, идиом, включая сравнения, аллегории, абстракции и пр.), не могут осмысливать то, что заключено в подобных кодированных высказываниях.

Хотя к настоящему времени и созданы интерактивные программы, умеющие в целом распознавать речь и воспринимать простейшие команды, вместе с тем понимание более сложных синтактико-семантических конструкций остается приоритетной задачей лингвистов в рамках разработки искусственного интеллекта.

В настоящее время интерес к проблемам искусственного интеллекта (ИИ) в России и во всем мире быстро растет, и в течение последних пяти лет в мире осуществлен ряд открытий. Современное состояние исследований по проблемам ИИ и инвариантным теориям в области когнитивной лингвистики тесно связано с их предысторией.

Из всех структур представления знаний в лингвистике наибольшее распространение получило понятие фрейма, которое первоначально использовалось в области моделирования искусственного интеллекта, предтечей которого считают «схему» Ф. Барлетта, полагавшего, что при восприятии любой информации индивид использует готовые структуры, которые значительно облегчают запоминание и хранение в памяти. Получая новую информацию, человек сравнивает ее с уже имеющейся, определяя место этого нового в системе существующих данных [Bartlett, 1932: 33].

Интерес к проблеме ИИ в настоящее время все больше нарастает. За последние пять лет в мире было совершено несколько прорывов в этой области. ИИ все чаще применяют в практических целях в бизнесе (например, Findface, FaceN, VisioLabs), в искусстве (Prisma), в обыденной жизни (Cubic.ai, Siri). Что касается создания разработок, связанных с распознаванием речи, можно отметить создание интеллектуального робота-помощника с голосовым управлением, который умеет воспроизводить шутки или подбирать шуточные высказывания из загруженных или записанных самим девайсом текстов. Однако он испытывает проблемы в понимании метафорических значений, фразеологизмов, ответы носят односложный характер или подбираются из заранее заданных баз данных, не предполагающих их творческого использования.

Интересная разработка DigitalGenious, созданная М. Наумовым и Д. Аксеновым, в США используется для автоматизации клиентской поддержки в социальных сетях, электронной почты и sms. По утверждениям разработчиков, алгоритм обучается на скриптах прошлых разговоров, подбирает ответы на вопросы пользователей, ранжирует их по степени достоверности.

Среди наиболее ярких разработок, связанных с семантическим анализом, следует упомянуть работу основателя АБВУУ интеллектуальный поисковик Findo, запущенный в США. Технология способна искать информацию в Интернете, а также понимает запросы на естественном английском языке. Это система глубинного семантического анализа текста.

В области современных разработок, связанных с распознаванием речи, можно отметить создание интеллектуального робота-помощника с голосовым управлением, который умеет выбирать и воспроизводить шуточные высказывания из загруженных самим устройством текстов. Среди наиболее ярких исследований, связанных с семантическим анализом, следует упомянуть интеллектуальный поисковик информации в интернете Findo (США), способный понимать запросы на английском языке. Это система глубинного семантического анализа текста.

Современный этап развития ИИ в России характеризуется повышенным интересом к развитию интеллектуальных, аналитических машин, которые смогут в дальнейшем решать задачи подобно человеческому мозгу, анализировать получаемую информацию и обучать.

Что касается исследований по репрезентации слов в лексиконе, то на сегодняшний день когнитологи из Калифорнийского университета Беркли представили интерактивную версию атласа мозга (журнал Nature), демонстрирующую активность мозга в соответствии с предъявляемыми категориями слов. Психолингвисты и когнитологи пришли к выводу о том, что, языковая память включает помимо значений еще и **абстракции** (что-то вроде **инвариантных** значений), которые в случае необходимости быстро актуализируются мозгом. Представленный атлас регистрирует слова, хранящиеся в более чем 100 областях мозга, распространяющихся по всему мозгу. Отдельные слова фактически появляются в нескольких светящихся точках на карте мозга, и одна точка может быть связана с несколькими словами [Рассел, 1996].

ВОПРОСЫ К СЕМИНАРАМ

Семинар 1. Понятие о методах в науке. Сравнительно-исторический метод. Метод оппозиций. Дистрибутивный метод. Анализ по НС. Особенности трансформационного анализа.

Семинар 2. Понятие языковой личности. Вторичная языковая личность. Типы речевой культуры. Понятие системы и структуры в языкознании. Уровневая модель языковой структуры. Уровни языка и единицы.

Семинар 3. Основные направления исследований в рамках фонологии. Трактовка основных фонологических понятий. Теория фонологических оппозиций. Основные научные фонологические школы. Слог как единица языкового сознания. Выявление и описание интоном.

Семинар 4. Основные грамматические традиции мира. Влияние греко-латинской традиции. Логическое направление в языкознании: грамматика и логика. Грамматика формальная и функциональная. Особенности основных грамматических категорий.

Семинар 5. Основные вопросы лексикологии и семасиологии: характеристика и типы значений. Принципы номинации. Свойства слова. Специфика универсальной и специальной, общей и частной типологии. Характерологическая, историческая и контенсивная типологии. Проблема лексических универсалий.

Семинар 6. Основные направления исследований в рамках лексикологии. Семантическая общность значений полисемантов. Сущность общего значения. Функционирование лексического инварианта многозначного слова в языковом лексиконе. Определение лексического инварианта английского полисеманта *key*.

Семинар 7. Основные проблемы прикладной лингвистики. Моделирование языковых процессов. Сущность лингвостатистических методов. Новые информационные технологии. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта.

ГЛОССАРИЙ

АКТИВАЦИЯ, АКТИВИЗАЦИЯ (activation, activization; Aktiviening) – возбуждение определенных участков мозга в актах мыслительной и речевой деятельности под влиянием тех или иных поступающих сигналов-стимулов, приведение в готовность для дальнейшего использования ментальных репрезентаций концептуальной системы; выведение в осознаваемую часть текущего сознания, образов, определенных структур знания и/или репрезентаций.

АРХИТЕКТУРА КОГНИЦИИ и/или РАЗУМА (the architecture of cognition, the architecture of mind) – строение, структура и система когнитивных способностей человека, когнитивного аппарата его психики; то, что служит в мозгу человека осуществлению его когнитивной деятельности.

АССОЦИАЦИЯ (association; Assoaation) – связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т.п., обычно – стимула и сопровождающей его реакции.

АТОМИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА – стремление на примерах из истории отдельных слов выявлять общие типы изменения значений, а при рассмотрении причин и природы этих изменений сосредоточивать внимание главным образом на внеязыковых факторах.

БИОЛИНГВИСТИКА – наука, исследующая язык, обращая внимание на его биологические особенности. Эти особенности могут быть обнаружены только в связи с изучением органов человеческого тела, которые участвуют в речевой деятельности. Сами по себе эти органы изучаются в биологии. Б. находится на стыке между лингвистикой и биологией. В ее задачу входит изучение биологических механизмов речевой деятельности. Эти механизмы базируются в трех органах – органах слуха, органах артикуляции и коре головного мозга. Изучению строения и функционирования этих органов и посвящены соответствующие разделы Б.: Б. слуха, Б. произношения и Б. мозга. Рассмотрение биологических основ речевой деятельности проводится, как правило, в особых разделах фонетики. Б. связана с деятельностью таких ученых, как О. Есперсен, Д. Джоунс, В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба и др.

ВНИМАНИЕ (attention, Aufmerksamkeit) – одна из когнитивных способностей человека, ярко проявляющаяся в процессах обработки информации и заключающаяся в возможности сосредоточиться при этом на одном из типов поступающей информации и/или определен-

ном объекте, явлении, процессе, области знания; концентрация восприятия или интеллектуальной деятельности на отдельной черте перцептуального процесса (ощущении) или отдельной мысли, отдельной структуре сознания, отдельном концепте; «остановка» в процессе обработки информации на одном из ее объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации.

ГЕШТАЛЬТ – это упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании человека сложная ментальная структура; целостный образ, включающий чувственные и рациональные элементы, а также динамичные и статичные аспекты объекта/явления. В гештальт могут входить представления, фреймы, сценарии и т.д.

ДИСКУРС (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор’) – в общем смысле – речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социогуманитарном смысле – социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени. Термин ввёл Эмиль Бенвенист, противопоставляя *discours* (речь, привязанная к говорящему) и *récit* (речь, не привязанная к говорящему).

ДИСКУРС-АНАЛИЗ – в общем смысле – ряд подходов в социальных науках, целью которых является критическое исследование дискурса, а основными задачами – анализ соотношения сил в обществе, при осуществлении которого формулируется нормативный подход, с позиции которого можно критически проанализировать эти соотношения в связи с социальными изменениями. К дискурс-аналитическим подходам могут быть отнесены: теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология и др. Д.-А. включает в себя 1) философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира; 2) теоретические модели; 3) методологию того, как выбрать подход к исследованию проблемы; 4) специфические приёмы анализа.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ – изучение языка, используемого членами некоторого языкового сообщества. В ходе Д.А. рассматривается как форма языка, так и его функция. В качестве исходного материала берутся разговорная речь и письменные тексты. Идентифицируются лингвистические особенности понимания различных текстов и типов устной речи. Анализ письменных текстов может включать в себя

изучение развития темы и связи (сцепки) между предложениями. Анализ разговорной речи может сосредоточиваться как на этих аспектах, так и на практиках пошагового взаимодействия, открывающих и закрывающих последовательностей социальных взаимодействий или структуры нарратива.

ЗНАНИЕ (knowledge; Wissen; connaissance) – итог познавательной деятельности человека и результат осмысленного им предметного опыта; семантическое содержание ментальных репрезентаций или данных на уровне этих репрезентаций.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (interpretation; Interpretation, Auslegung, Deutung; interpretation) – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий; совокупность смыслов (значений), придаваемых элементам (выражениям, символам, формулам) какой-либо теории.

ИНФЕРЕНЦИЯ (inference; Inferenz от англ. infer ‘выводить’, ‘заключать’) – умозаключение, формируемое участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений. Оно может осуществляться на основании информации, известной из контекста ситуации, из предшествующего речевого контекста, из уже накопленного в течение жизни опыта общения, социокультурных знаний.

ИНФОРМАЦИЯ (information; Information; от лат. informatio ‘разъяснение, изложение, осведомлённость’) – сведения о чём-либо, независимо от формы их представления.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (artificial intelligence; AI; intelligence artificielle) – раздел компьютерологии (computer science), разрабатывающий «разумные» компьютерные системы, т. е. системы, проявляющие характеристики разумности в человеческом поведении (понимание языка, обучение, рассуждение, решение задач и т.п., а также этические аспекты).

И-ЯЗЫК и Э-ЯЗЫК (I-language and E-language) – понятия, введенные Н. Хомским для противопоставления интериоризованных данных о языке внешнему, экстериоризованному проявлению языка, т. е. для противопоставления знаний о языке реальным формам его функционирования.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ (categorization; Kategorisation) – в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека соответственно сущностным характеристикам его функционирования и бы-

тия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной (таксономической) деятельности.

КАТЕГОРИЯ (от др.-греч. *κατηγορία* ‘высказывание, обвинение; признак’) – одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию.

КОГНИТИВИЗМ (*cognitivism; Kognitivismus*) – термин когнитивной науки, использующийся в нескольких разных смыслах: 1) возвращение к проблемам познания и познавательных процессов, ранее изучавшихся в психологии в рамках противопоставлявшегося бихейвиоризму ментализма; не случайно атрибуты «ментальный» и «когнитивный» в целом ряде номинаций оказываются взаимозаменяемыми; 2) название направления, тождественного всей когнитивной науке, т. е. само когнитивное направление; 3) определенный этап в развитии когнитивной науки, приходящийся на самые ранние годы ее становления и сменившийся затем коннекционизмом.

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ (*language processing, Sprachverarbeitung*) – когнитивная обработка информации, поступающей к человеку во время дискурса, чтения, любого знакомства с языковыми текстами и т.п. и, таким образом, осуществляемая как во время понимания, так и во время порождения речи.

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА (*cognitive grammar, cognitive Grammatik*) – в широком смысле – грамматические концепции или грамматические модели описания языков, ориентированные на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений, т. е. на их объяснение по их связи и сопряженности с процессами познания мира и такими когнитивными феноменами, как восприятие, внимание, память, мышление и т.п. В этом смысле термин К.Г. близок термину «когнитивная лингвистика», предметом исследования которой объявляются процессы порождения и понимания языковых сообщений, процессы категоризации и концептуализации мира и отражение их в языке, а, главное, проблема знаний и базы знаний, необходимых для владения языком и его использования. У истоков К.Г. считаются Рэй Джекендофф, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, У. Чейф и др. В узком смысле К.Г. – особый тип грамматического описания языка, в котором делается попытка дать объединённое описание лексикона и синтаксиса, предлагая для характеристики участвующих в их строении единиц понятие двустороннего знака, или символов (автор Рон Ленекер).

КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*cognitive activity; activits cognitive*) – «ухватывание» и установление смысла, вслед за Готлобом

Фреге рассматриваемое как своеобразный когнитивный процесс установления когнитивной значимости языкового выражения, его информативности.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (cognitive linguistics; kognitive Lingustik; lingulstique cognitive) – направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. Объектом К.Л. является язык как механизм познания. Предметом К.Л. является человеческая когниция – взаимодействие систем восприятия, представления и продуцирования информации в слове. В значении единиц языка заложены познавательные структуры, что проявляется при образовании окказиональных слов. Например, у Пушкина находим: «Я влюблён, я очарован, словом, я огончарован». Большое воздействие на развитие когнитивной лингвистики оказывает семантика.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА = КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА (cognitive/conceptual metaphor) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику К.М. отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов.

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ (cognitive model; kognitives Modell; modèle cognitif) – 1) концепция «язык есть разновидность когнитивного процесса». В ней язык и его познание относятся к компетенции когнитивной науки и не является монополией лингвистики; 2) модель понимания текста как результата естественной обработки языковых данных. Тогда говорят о построении ментальных моделей текста (Джонсон-Лэрд), К.М. понимания (Дейк, Кинч) или К.М. обработки текста (Караулов, Петров; Дейк), которые, в свою очередь, требуют построения К.М. отдельных ситуаций; 3) характеристика процесса категоризации в естественном языке.

КОГНИТИВНАЯ НАУКА/КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ (cognitive science/sciences) – наука/науки, занимающиеся человеческим разумом и мышлением (mind) и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, которые с ними связаны; наука/науки, предметом которых/которой является когниция – познание и связанные с ним структуры и процессы.

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА И ПЕРЕРАБОТКА (cognitive processing; kognitive Verarbeitung) – процесс переработки информации человеком, аналог вычислительной процедуры.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (cognitive psychology; (cognitive Psychologic, Psychologic cognitive) – раздел психологии, изучающий когнитивные, т. е. познавательные процессы человеческой психики. Исследования в этой области обычно связаны с вопросами памяти, внимания, чувств, представления информации, логического мышления, воображения, способности к принятию решений. Многие положения когнитивной психологии лежат в основе современной психолингвистики.

КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ (cognitive revolution, cognitive torn; kognitive Revolution, kognitive Wcndc; revolution cognitive) – название для тех радикальных перемен, которые произошли в американской науке в конце 50-х – начале 60-х гг. и которые коснулись первоначально главным образом психологии и лингвистики, способствуя преобразованию представляющих их тогда парадигм знания и появлению общей когнитивной парадигмы научного знания.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА (cognitive semantics; kognitive Semantik; ssmuntique cognitive) является частью когнитивной лингвистики. Основные принципы когнитивной семантики: 1) грамматика есть концептуализация; 2) концептуальная структура закреплена в речи и мотивируется ей; 3) возможность использования языка основывается на общих когнитивных ресурсах, а не на специальном языковом модуле. Метод когнитивной семантики отвергает традиционное деление лингвистики на фонологию, синтаксис, прагматику и т. д. Вместо этого он делит семантику (смысл) на смысловое построение и выражение знания. Таким образом, когнитивная семантика изучает многое из того, что традиционно входило в сферу прагматики, а также семантики. Методы, свойственные когнитивной семантике, используются в лексикологических исследованиях таких учёных, как Леонард Талми, Джордж Лакофф, Дирк Гирартс и Брюс Уэйн Хокинс. Некоторые модели когнитивной семантики, такие как, например, модель Талми, учитывают в том числе и синтаксические структуры.

КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА (cognitive system; kognitives System; systeme cognitif) – система познания человека, сложившаяся в его сознании в результате становления его характера, воспитания, обучения, наблюдения и размышления об окружающем мире. На основе этой системы человек ставит себе цели и принимает решения о том, как надо

действовать в той или иной ситуации, стараясь избежать когнитивного диссонанса. В основе когнитивной системы лежит взаимодействие мышления, сознания, памяти и языка; носителем такой системы является мозг человека.

КОГНИТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ (cognitive principles/constraints) – интерпретируются как когнитивные установки и когнитивные ограничения на организацию информации в дискурсе/тексте; когнитивные основания или ограничения прагматических принципов построения текста/дискурса и распределения информации в тексте, последовательности ее подачи и т.п.

КОГНИТИВНЫЙ (от лат. *cognitio* ‘восприятие, познание’) – относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний.

КОГНИЦИЯ (от англ. *cognition*) – совокупность процесса достижения знания (познание) и его результат (знание).

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА (также: математическая или вычислительная лингвистика, англ. *computational linguistics*) – научное направление в области математического и компьютерного моделирования интеллектуальных процессов у человека и животных при создании систем искусственного интеллекта, которое ставит своей целью использование математических моделей для описания естественных языков. Частично пересекается с обработкой естественных языков. Однако в последнее время акцент делается не на абстрактные модели, а на прикладные методы описания и обработки языка для компьютерных систем.

КОНЦЕПТ (*concept; Konzept*) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. К. возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира.

КОНЦЕПТ-ИНСАЙТ (А.П. Бабушкин впервые использует термин гештальтпсихологии «инсайт» для обозначения структуры представления знаний) содержит заключенную в слове информацию (как правило, известную всем) об устройстве и предназначении предмета (зонтик, ножницы).

КОНЦЕПТ КАЛЕЙДОСКОПИЧЕСКИЙ – это концепты абстрактных номинаций (красота, совесть); они также могут быть представлены одной из перечисленных структур. За такими концептами не закреплено постоянного ментального образа. **КОНЦЕПТ-СХЕМА** является собой некую пространственно-графическую схему; такой концепт легко нарисовать (дерево, река).

КОНЦЕПТ-СЦЕНАРИЙ (СКРИПТ) носит сюжетный характер, это четкая последовательность эпизодов во времени (посещение театра, поездка на метро).

КОНЦЕПТ-ФРЕЙМ – это многокомпонентный концепт, набор стереотипных представлений о предмете/явлении (ресторан, магазин).

КОННЕКЦИОНИЗМ (англ. connectionism) – один из подходов в области искусственного интеллекта, когнитивной науки (когнитивистики), нейробиологии, психологии и философии сознания. К. моделирует ментальные или поведенческие явления процессами становления в сетях из связанных между собой простых элементов. Существует много различных форм К., но наиболее общие используют нейросетевые модели. В рамках этого течения предпринимаются попытки объяснить интеллектуальные способности человека, используя искусственные нейронные сети. Философы начали проявлять интерес к коннекционизму, так как коннекционистский подход обещал обеспечить альтернативу классической теории разума и широко распространённой в рамках этой теории идеи, согласно которой механизмы работы разума имеют сходство с обработкой символического языка цифровым компьютером.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ (= понятийная классификация; conceptualization) – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека. Нередко К. рассматривается как некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц. Каждый отдельный акт К. представляет собой пример решения проблемы и в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (инференции) и другие логические операции.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (= антрополингвистика, антропологическая лингвистика) – раздел лингвистики, изучающий эволюцию человеческого мышления на основе её отражения в соответствующей эволюции языка (прежде всего его лексики). Её исходным положением является то, что практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. Появление антрополингвистики было провозглашено в «Белостокском манифесте», подписанном известными терминоведами Великобритании, Германии, Польши, России и Украины в 2004 г. в Белостоке на конференции, результаты которой отражены в первом томе «Белостокской серии антрополингвистики» (Language and Culture. Белосток, 2004).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ (= лингвистическая география) – раздел лингвистики, изучающий вопросы территориального размещения языков и распространения языковых явлений. Изучает географии языковых явлений (так наз. изоглоссы) различного уровня. Многофункциональна, является как одним из разделов общей лингвистики, так и более частных диалектографии и диалектологии. Основная задача лингв. географии – составление подобных языковых карт.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ – создана на Международном лингвистическом симпозиуме, проходившем в 1989 г. в г. Дуйсбурге (Германия). В 2003 г. была создана Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (РАЛК) (<http://ralk.info/>).

МЕНТАЛЬНОСТЬ (от лат. mens, mentis ‘разум, ум, интеллект’) – понятие, не имеющее точного аналога в русском языке (ср.: англ. mind). Ментальность противопоставляется «материи» или, в более современных контекстах, «мозгу», при этом отношение между «мозгом» и «ментальностью» образно сравнивается с отношением между аппаратным и программным обеспечением, т. е. мозг понимается как нейрофизиологический (материальный) субстрат «ментальности», тогда как «ментальность» – в качестве присущей этому субстрату функциональности. Ментальность формируется в процессе воспитания и обретения жизненного опыта. Таким образом, ментальность – это то, чем различаются индивиды, получившие воспитание в различных культурных средах. В традиционном значении «ментальность» синонимична «менталитету» и подразумевает тот или иной «склад ума», т. е. устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду (обычно как представителю некоторой социальной группы). Ментальность – способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций.

МЕНТАЛЬНЫЙ ЯЗЫК (Mentalese; mentale Sprache; lingua mentatis) – метаязык, на котором задаются единицы концептуальной системы и/или описываются ментальные репрезентации для значения естественных языковых выражений. При конструировании репрезентационной семантики выявляются правила, по которым каждому предложению языка-объекта приписывается выражение на некотором метаязыке. Главное в том, чтобы систематические отношения между значениями предложений (такие как идентичность, различие, логическое следствие и т.п.) были отражены систематическими же отношениями между метаязыковыми выражениями, которым и придается статус «языка мысли» (lingua mentalis). Одной из первых попыток создать М.Я. был логико-философский метаязык Лейбница. В настоящее время М.Я. в качестве метаязыка лингвистического описания особенно активно разрабатывается А. Вежбицкой.

МОДУЛЬ (module; Modul; module) – одно из основных понятий когнитивизма, относящихся к обозначению тех простейших систем или частей, из которых состоит вся инфраструктура мозга/разума/языка и т.п. Модульность – представление о поведении человека, объясняющее видимую сложность как результат взаимодействия нескольких достаточно простых подсистем, называемых М. **НАТИВИЗМ** (nativism или innateness от англ. native ‘природный, прирожденный’ и innate ‘врожденный’) – концепция врожденности языка; один из главных постулатов генеративной грамматики, связанный с признанием языковой способности и языковых структур универсального порядка врожденными и входящими в биопрограмму человека, наподобие таких органов или систем, как кровообращение.

ПАДЕЖНАЯ ГРАММАТИКА (= ролевая грамматика) – метод описания семантики предложения (за исключением модальных и перформативных элементов) как системы семантических валентностей, в которой значение вершинного глагола диктует роли («падежи»), исполняемые именными составляющими. Иногда рассматривается как одна из разновидностей порождающей семантики (наряду с направлением, представленным Дж. Мак-Коли, Дж. Лакоффом и другими учеными). В рамках падежной грамматики описаны с семантической стороны многие языки. Результаты исследований такого рода используются в работах по проблемам искусственного интеллекта (в области семантики фреймов) и психолингвистике.

ПАМЯТЬ (memory; Gedachtniss) – когнитивная способность удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, сохранять накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» (энграмм)

когнитивных и ментальных репрезентаций как определенных структур представления знаний и оценок, упорядочивать весь этот массив знаний, чтобы облегчить легкий доступ к нему, «складировать» и систематизировать все сведения, пришедшие к человеку по разным каналам и в известной мере интегрировать их в единую систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией; едва ли не основная часть нашего сознания и разума, заключающаяся в возможности извлекать по мере необходимости хранящиеся в ней воспоминания об услышанном и увиденном, прочувствованном и осмысленном, познанном за все время жизни человека и т.п.

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ (parametrization; Parametrisierung; parametrisation) – одно из основных понятий концепции исследования языка как идеализированной системы человеческой когниции («минималистская программа») в рамках подхода «принципов и параметров» к универсальной грамматике по Н. Хомскому: у языков нет ни правил, ни конструкций (типа пассивных, относительных предложений и т.п.) в обычном смысле слова, все эти понятия – изобретения исследователей. Есть универсальные принципы и конечный набор выборов того, какие возможности (значения параметров) допустимы для конкретного языка. В этой концепции универсальная грамматика представляется как система подтеорий, каждая из которых обладает своим набором параметров, по которым варьируются реальные языки.

ПОЗНАНИЕ – совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА – наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, т. е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Основная цель политической лингвистики – исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

ПОНИМАНИЕ (understanding, comprehension; Verstehen, Verstandigung; comprehension, entendement) – когнитивная деятельность (раз-

новидность речевой деятельности), результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса).

ПОНЯТИЕ (ЛОГИЧЕСКИ-КОНСТРУИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ) – структура представления знаний, лишенная фактора образности; такой концепт состоит из наиболее общих, существенных характеристик предмета/явления (птица, фрукт).

ПОРОЖДАЮЩАЯ СЕМАНТИКА (*generative semantics; generative Semantik; semantique generative*) – одно из направлений теории трансформационных порождающих грамматик, ставившее своей целью построить модель языка по схеме «от значения к тексту» и «от текста к значению». Представляла собой частный метод грамматического описания. Теория получила распространение в США в конце 1960-х – середине 1970-х гг., однако со временем исследователи утратили к ней интерес, что связано с недостаточной гибкостью метода описания: каждый новый этап требовал коренной перестройки полученной ранее системы грамматических правил.

ПРОДУЦИРОВАНИЕ, или ПОРОЖДЕНИЕ РЕЧИ (*language production, language generation; Sprachproduktion; production langagiere*) – один из двух главных процессов речевой деятельности (другой – понимание речи), состоящий в планировании и реализации речи в звуках или графических знаках.

ПРОПОЗИЦИЯ (лат. *propositio* ‘основное положение, предпосылка, предмет, тема’; *proposition*) – семантический инвариант, неизменный для модальной и коммуникативной парадигмы предложения и иных языковых конструкций, производных от предложения.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД (= теория прототипов; *prototype theory; Prototypentheorie; theorie des 13 prototypes*) – новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами. В отличие от философского структурализма, в котором предполагалось, что значимость индивидуальных знаков в рамках системы производна от системы оппозиций, теория прототипов утверждает, что множество оппозиций зависит от сигнификативного содержания индивидуальных знаков.

ПРОЦЕДУРНАЯ СЕМАНТИКА (= процессуальная семантика; *procedural semantics, computational semantics; prozeduraJe Semantik; semantique procedurale*) – направление в изучении семантики языка, подчеркивающее связь между значением языковых выражений и процедурами их интерпретации – операциями конструирования такого

значения. П.С. ставит своей задачей «изучение отношений между языковыми объектами и психическими состояниями и процессами, участвующими в их производстве и понимании».

ПСИХОЛИНГВИСТИКА (psycholinguistics; Psycholinguistik; psycholinguistique) – наука о речевой деятельности людей в психологических и лингвистических аспектах, включая экспериментальное исследование психологической деятельности субъекта по усвоению и использованию системы языка (langue) как организованной и автономной системы.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (mental representation) – процесс представления (репрезентации) мира в голове человека, а также единица подобного представления, стоящая вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах.

РЕФЕРЕНЦИЯ (reference; Referenz; reference) – «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» (Арутюнова); «соотнесение высказывания и его частей с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире (и даже не обязательно в реальном, поскольку высказывание может относиться к миру сказки, мифа, фильма)» (Падучева). Р. является одной из важнейших предпосылок для оценки высказывания как истинного или ложного.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЕТИ (semantic nets; semantische Netze) – информационная модель предметной области, имеющая вид ориентированного графа, вершины которого соответствуют объектам предметной области, а дуги (рёбра) задают отношения между ними. Объектами могут быть понятия, события, свойства, процессы. Семантическая сеть является одним из способов представления знаний, отражает семантику предметной области в виде понятий и отношений.

СКРИПТ (script) – один из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющего некоторое специальное задание в обработке естественного: привычные ситуации описываются С. как стереотипные смены событий. Большинство С. усваивается в детстве, в результате прямого опыта или сопереживания при наблюдении над другими людьми: мало кто лично участвовал в ограблении банка, угоне самолета или в пытках и т.п., но из книг, телевидения и кино почти все примерно представляют себе, как это делается, т. е. обладают соответствующими С.

СОВМЕСТНОЕ ЗНАНИЕ vs. ОБЩЕЕ или РАЗДЕЛЕННОЕ ЗНАНИЕ (shared knowledge vs. common knowledge; gemeinsames Wissen vs.

allgemeines Wissen; *connaissance communale* vs. *connaissance commune*) – знание, общее для автора и интерпретаторов дискурса; оно лежит в основе понимания текста и релевантно для установления референции имен.

СОЗНАНИЕ (*consciousness*; *Bewußtsein*) – особое свойство такой высокоорганизованной материи, как мозг; отличительная характеристика человека как разумного существа, способного не только чувствовать и рассуждать, но и говорить об этих мыслях о ощущениях; способность переживать и осознавать окружающую действительность, воспринимать ее, останавливать внимание на определенных объектах внешнего или внутреннего мира, возможность контролировать поступление информации и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности, наконец, способность знать что-то и т.п.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА (социологическая лингвистика) – раздел языкознания, изучающий связь между языком и социальными условиями его бытования. С. тесно связана с такими лингвистическими дисциплинами, как психолингвистика и этнолингвистика. С. возникла в 1920-х гг. (Афанасий Селищев), развитие получила в 1950–1970-е гг. (Уриэль Вайнрайх, Уильям Лабов). Предметом С. является широкий круг вопросов: язык и нация, национальные языки как историческая категория, социальная дифференциация языка, взаимосвязи между языковыми и социальными структурами, типология языковых ситуаций, определяемых социальными факторами, социальные аспекты многоязычия и т. п. Методы С.: фиксирование и анализ социально-обусловленных речевых актов, моделирование социально-детерминированной речевой деятельности с помощью социолингвистических правил, анкетирования, интервьюирования, социологических экспериментов и обработки их результатов с помощью аппарата математической статистики и т. п.

СТЕРЕОТИП (*stereotype*) – стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп. С. обладает логической формой суждения, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающего определенному классу лиц определенные свойства или установки, или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках. Выражается в виде предложения типа Итальянцы музыкальны, Южане вспыльчивы, Профессора рассеянны, Женщины – это эмоции. Подобные высказывания описывают стереотипные представления, «расхожие истины», свойственные некоторой группе – носителнице культуры.

СХЕМА (*schema*; *Schema*; *schema*) – способ представления операциональной информации.

СЦЕНАРИЙ (scenario; Szenarium; scenario) – разновидность структуры сознания (репрезентации), одно из основных понятий концепции М. Минского. С. вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам. Индивидуальные утверждения, находимые в дискурсе, приводят к временным представлениям (соответствующим понятию «глубинной структуры»), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф – пост-структуралистская теория, основанная на идее о том, что социальный мир формируется дискурсом с помощью значений. Согласно этой теории, под дискурсом следует понимать определённый способ общения и понимания социального мира. Дискурсы не являются завершёнными и замкнутыми – они постоянно изменяются и борются между собой за превосходство, стараясь в этой борьбе зафиксировать определённые ими значения в языке.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА (= порождающая грамматика; генеративная грамматика, англ. Generative grammar) – формализм генеративной лингвистики, связанный с изучением синтаксиса. В рамках подхода порождающей грамматики формулируется система правил, при помощи которых можно определить, какая комбинация слов оформляет грамматически правильное предложение. Термин введён в научный оборот в работах Ноама Хомского в конце 1950-х гг. Хомский утверждает, что многие свойства порождающей грамматики производны от универсальной грамматики. Сторонники порождающей грамматики придерживаются идеи, что грамматический строй не является результатом коммуникативной функции и не усваивается личностью в процессе обучающего взаимодействия с окружающей средой. Этим порождающая грамматика отличается от подходов, принятых в когнитивной грамматике, функционалистской и бихевиористской теориях.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА (universal grammar; universale Grammatik; grammaire univierselle) – теория языка, предлагающая систему принципов и параметров, непременно составляющих свойства всех человеческих языков. Подобные правила не определяют язык полностью: они допускают значительную вариантность, но ограничивают её некоторыми конечными рамками. В современной когнитивной науке универсальная грамматика понимается как встроенное на генетическом уровне знание о языке.

ФРЕЙМ (англ. frame – кадр, рамка). В общем значении: структура, содержащая некоторую информацию. В социальных науках: определённого рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире. В фреймовой семантике: 1) набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний; 2) набор сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); Ф. даёт представление о том, какой вид знаний существенен для такого описания; 3) организация представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера) плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем.

ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА (frame semantics, frame-and-scene analysis) – общее название для очень разных типов формализованного описания деятельности человека в контексте ситуации. В качестве лингвистической концепции Ф.С. предложена Ч. Филлмором и явилась продолжением падежной грамматики. В Ф.С. значения слов, словосочетаний, предложений, текста и т.д. соотнесены со сценами в рамках общей теории семантического знания. Ф.С. используется в грамматическом описании, в искусственном интеллекте и в компьютерной лексикографии.

ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА – рассматривает язык как открытую систему, свойства которой определяются процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта. Когнитивисты считают, что учет контекста и общих знаний происходит в мозгу человека параллельно с анализом заключенной в высказывании собственно лингвистической информации и оказывает на последний непосредственное влияние.

ХОМСКИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ/ПОВОРОТ (Chomskyan Revolution/Turn) – обозначение для тех радикальных перемен, которые характеризовали теоретическую лингвистику в США начиная с середины конца 1950-х гг. и которые, связанные с именем Н. Хомского, знаменовали собой, как и всякая научная революция по Т. Куну, разрыв с прежней структуралистской парадигмой знания и переход к новой – трансформационно-генеративной (направлению, которое чуть позднее получило название генеративной или порождающей грамматики). Сам термин появился в начале 1970-х гг. в работах о Н. Хомском и генеративной грамматике у Дж. Серля и Фр. Ньюмейера, а затем был подхвачен многими историографами.

ЭПИСТЕМА – один из основных терминов философии Мишеля Фуко – структура, существенно обуславливающая возможность опре-

делённых взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период. Фуко также определял Э. как дискурс-формирование, определяющее способ, которым мир представляется или «видится». В этом смысле термин имеет сходство с понятиями парадигмы или проблематики.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ (epistemology; Epistemologie) – наука о природе познания и о путях развития самой науки; исследование оснований науки, которое то относится к философии, то выделяется в самостоятельную научную дисциплину, но так или иначе входит и состав когнитивной науки или же считается одной из когнитивных наук как таковых. В традиционной Э. знание рассматривалось как определенная данность, но для современной Э. более характерно ее процессуальное определение.

ЭТНОЛИНГВИСТИКА (от греч. *ἔθνος* – народ, племя), лингвистическая антропология – область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой. Центральными для Э. являются следующие две тесно взаимосвязанные проблемы, которые можно назвать «когнитивной» (от лат. *cognitio* – познание) и «коммуникативной» (от лат. *communicatio* – общение): 1) Каким образом, с помощью каких средств и в какой форме в языке находят отражение культурные (бытовые, религиозные, социальные и пр.) представления народа, говорящего на этом языке, об окружающем мире и о месте человека в этом мире?; 2) Какие формы и средства языкового общения являются специфическими для данной этнической или социальной группы? Э. близка психолингвистике и лингвокультурологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Акашева Т., Песина С., Рахимова Н., Землянухина Е. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1998.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995.

Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Погресс, 1990.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1999.

Архипов И.К., Песина С.А., Новиков Д.Н. Организация и метод построения словарной статьи на основе прототипической семантики // Языки в современном мире: Материалы V Международного конгресса. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2006.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.

Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Прогресс, 2003.

Беляевская Е.Г. Семантика слова: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1987.

Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. Вып. XXXVII. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 37–44.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М.: КомКнига, 2006.

Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.;Л.: Наука, 1947.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Общая психология. Тексты. Раздел III «Субъект познания». Вып. 1. Познавательные процессы: виды и развитие. Ч. 2. М., 1997.

Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Изд-во «Классика», 2005.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.

- Звегинцев В.А. Семасиология. М.: МГУ, 1957.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Кацнелсъон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2016.
- Куайн У.В.О. Философия логики / Пер. В.А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Лихачёв Д.С. Литературоведение и лингвостилистика. Киев, 1987. С. 186.
- Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН, 1958. (переизд.: М., 1970; Лихачёв Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л., 1987)
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1929.
- Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
- Палмер Ф.Р. Семантика (очерк). М.: Высш. шк., 1982.
- Песина С.А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики (на материале английских существительных): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
- Песина С.А. Лексический прототип в семантической структуре слова: Дис. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 1998.
- Песина С.А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «Тело человека»): Учебное пособие. Магнитогорск: МГТУ, 2003.
- Песина С.А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. 2005. № 5 (11). С. 51–59.
- Песина С.А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики // Вестник ТГУ. 2006. № 291. С. 177–182.
- Песина С.А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2011. Вып. 4 (88). С. 12–16.

Песина С.А. Философия языка: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016.

Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. 2005. № 3 (10). С. 358–362.

Песина С.А., Вторушина Ю.Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2016. № 2 (20). С. 120–128.

Песина С.А., Дружинин А.С. Когнитивный и антропоцентрический подход к процессу коммуникации // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 161–165.

Песина С.А., Зимарева О.Л. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1 (50). С. 146–154.

Песина С.А., Зимарева О.Л., Баклыкова Т.Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 34–38.

Песина С.А., Юсупова Л.Г., Морозов Е.А. Языковая компетенция современного специалиста // Языки, литература и культура в полилингвальном пространстве: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 68–74.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте [Электронный ресурс]: монография. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2020.

Песина С.А. Репрезентация слов в лексиконе // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 121–123.

Петерсон М.Н. Введение в языкознание. М.: Прогресс, 1952.

Рассел Б. Словарь разума, материи и морали / Общ. ред. и послесл. А.А. Васильченко. К.: Port-Royal, 1996.

Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века. М., 2000.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема тождества слова // Труды института языкознания. Т. 4. М.: ИЯ, 1954. С. 88–101.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. яз., под ред. А.А. Холодовича; ред. М.А. Оборина; пред. проф. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1977.

Сусов И.П. История языкознания. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр.; Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.

- Томсон А.И. Лингвистические исследования. Т. 1. СПб., 1887.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М. Прогресс, 1960.
- Тур В.В. Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы tail ‘хвост’) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020. Т. 2. С. 52–63.
- Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Наука, 1965.
- Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990.
- Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М.: Наука, 1962.
- Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 277–285.
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Хомский Н. Синтаксические структуры. М.: Изд-во Прогресс, 1957.
- Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке: Публ. послание д-ру Эрнсту Генкелю, э. о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Иен. ун-те, Августа Шлейхера. СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1864.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
- Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Юсупова Л.Г., Песина С.А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 1083–1089.
- Юсупова Л.Г., Песина С.А. Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения // Казанская наука. 2019. № 1. С. 104–107.
- Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы / Под ред. В.А. Звегинцева, В. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 306–319.
- Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- [LDCE]: Longman Dictionary of Contemporary English. – Fourth edition with writing assistant. Pearson Education Limited. 2005.
- [WTHID]: Webster’s Third New International Dictionary. – Springfield (Mass) Merriam co, 1961.
- Becker Karl Organismen der Sprache 2d ed., Prague 1841.

Brain W.R. Visual disorientation with special references to lesions of the right cerebral hemisphere // *Brain*. 1941. V. 64.

Falcum I.L., Vicente A. Polysemy: Current perspectives and approaches. *Lingua* 2015. 157. [Elektronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/272740167_Polysemy_Current_perspectives_and_approaches. (retrieval date: 21.09.2019).

Fillmore Charles Frame semantics // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul, Hanshin Publishing Co., 1982: 111–137.

Foraker S., Murphy G.L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // *J. Memory Lang.* 2012. № 67. P. 407–425.

Hecaen H., Aphasie A. Apraxic & agnostic syndromes in right and left hemisphere lesions // P.J. Vinken and G.W. Bruyn. *Handbook of clinical, neurol.* – Amsterdam. 1969. V. 4. P. 290–311.

Hockett C. The origin of speech // *Scientific American*. 1960. Vol. 203: 89–97.

Hodges J.R. & Patterson K. Semantic memory disorders // *Trends in Cognitive Sciences*. 1997. 1 (2). P. 68–72.

Holmes G., Horrax G. Disturbances of spacial orientation and visual attention with loss of stereoscopic vision // *Arch. Neurol. Psychiatry*. 1919. № 1. P. 384–407.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kaususlehre // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. 1936. № 6. P. 224, 252–253.

Kostina N., Zerkina S., Pesina S. Polysemous Words Functioning and Process of Concept Formation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 690–694.

Luriya A.R. *Neuropsychology of memory*. M., 1973.

Pesina S., Solonchak T. Word Functioning in Communication Process // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 346–351.

Pesina S., Yusupova, L. Words Functioning in Lexicon // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 38–43.

Pesina S.A. Word functioning in the processes of thinking and speaking // *Когнитивные исследования языка*. 2011. № 8. С. 79–81.

Pesina S., Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement // *International Science Conference*. 2014. Vol. 8, No 6, Part XI, Venice, Italy, P. 1000–1007.

Pesina S., Solonchak T. The Sign in the Communication Process // *International Science Conference*. 2014. Vol. 8, No 6, Part XI, Venice, Italy, P. 1021–1029.

Pesina S., Vinogradova S., Kiseleva S., Trofimova N., Pastushkova M., Ovcharenko N. Functional aspects of indeterminacy category and invariant study of polysemous words // *Revista EntreLinguas*, 2021. 7 (esp.8). <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.8.16357>

Ryle G. *The Concept of Mind*. – Chicago: University of Chicago Press, 1949.

Solonchak T., Pesina S. *Lexicon Core and Its Functioning* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 481–485.

Solonchak, T., Pesina, S. *The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words* // *International Science Conference*. 2014. Vol. 8, No 6, Part XI, Venice, Italy. P. 994–999.

Taylor J.R. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York: Clarendon Press, 1995.

Treisman A.M., Gelade G. *Feature-integration theory of attention* // *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12. No. 1. P. 97–136.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и перевода МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск;

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода СПбГЭУ;

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода СПбГЭУ

Учебное издание

Песина Светлана Андреевна
Киселева Светлана Владимировна
Трофимова Нэлла Аркадьевна

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Учебное пособие

Редактор *П.А. Тимачева*
Верстка *Л.А. Солдатовой*

Подписано в печать 17.03.2023. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 500 экз. Заказ 198.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ